ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

ЛИНИЯ КРОВИ

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Отряд «Сигма»

Джеймс Роллинс

Линия крови

«Эксмо»

2012

Роллинс Д.

Линия крови / Д. Роллинс — «Эксмо», 2012 — (Отряд «Сигма»)

ISBN 978-5-699-60898-0

Дочь президента США Аманда Гант бесследно исчезла с борта собственной яхты, подвергшейся нападению в районе Сейшельских островов. Следы ведут к древней и могущественной организации, известной как «Гильдия», с которой давно борется секретная спецгруппа «Сигма». Ее директору Пейнтеру Кроу становится известно, что некоторое время назад Аманда забеременела в результате искусственного оплодотворения, а совсем недавно получила анонимное предостережение об опасности, угрожающей ей и ее плоду. Но чего хочет «Гильдия»? И, в то время как бойцы «Сигмы» во главе с Греем Пирсом ищут пропавшую, Кроу собирает информацию, связанную с беременностью Аманды. Похитителям явно нужен именно ее неродившийся ребенок. Ибо в нем сокрыта одна из самых важных тайн человечества, обладающий которой способен сравняться с самим Богом…

ISBN 978-5-699-60898-0

Содержание

Джеймс Роллинс
Линия крови

Этот роман – художественное произведение. Имена, характеры, места действия и события являются плодом авторского воображения или же используются в вымышленном контексте и не могут считаться реальными. Любое совпадение с реальными событиями, местами действия, организациями или же персонажами, живыми или уже умершими, является случайным.

Посвящается трем братьям и трем сестрам – Черил, Дью, Лори, Чаку, Билли и Кэрри.

Только после пребывания в окопах весь этот прошлый год осознаешь, какое огромное это благо – наконец оказаться вместе.

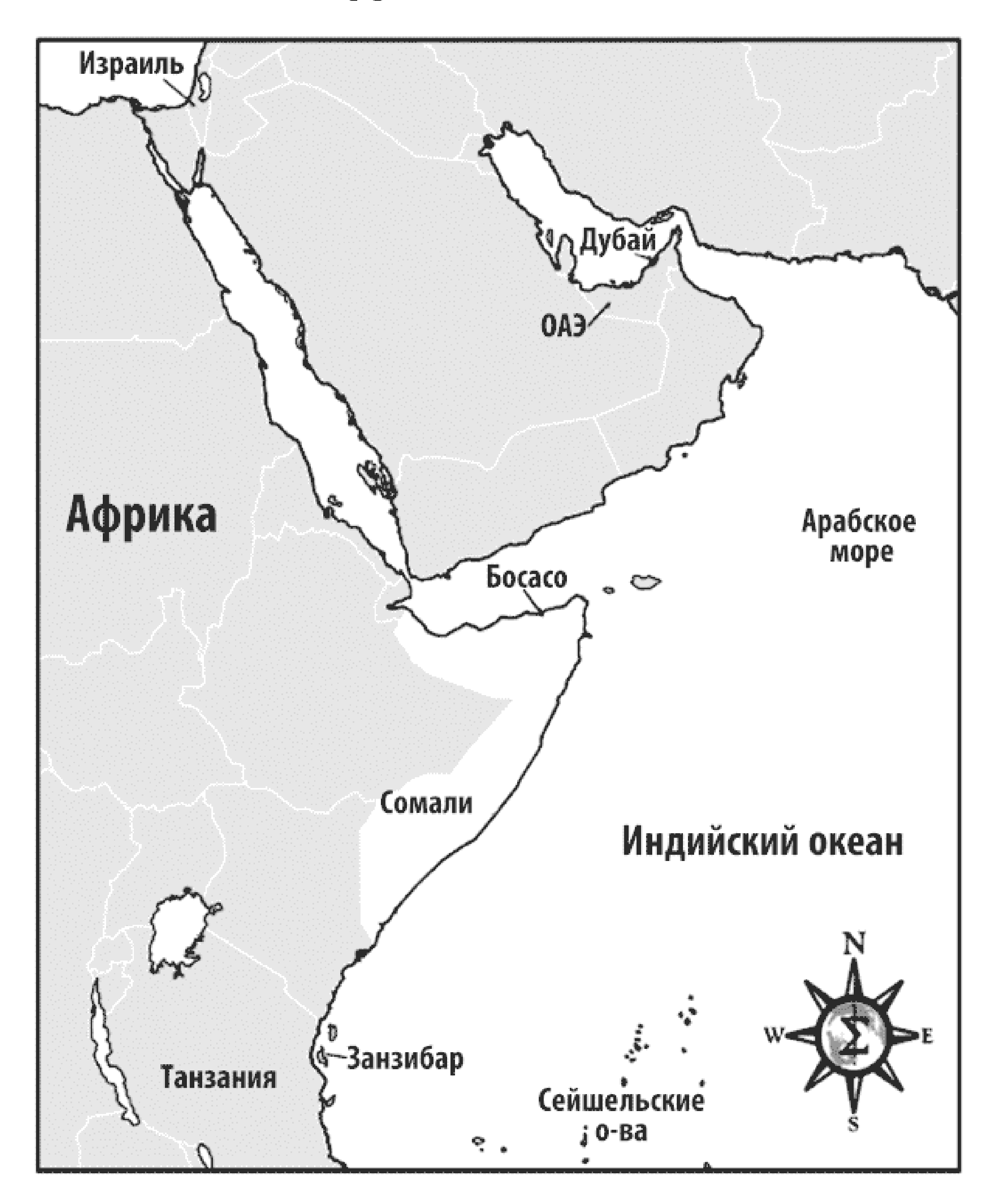
Люблю вас всех.

Благодарности

Говорят, что много поваров на одной кухне – это плохо. Ну что ж, к кулинарии это утверждение, может быть, и применимо, – но только не к литературе. Каждый человек, который будет упомянут ниже, сделал эту книгу лучше.

Первую группу этих людей я не люблю объединять в одну кучу, но они сами так сделали. Это мои первые читатели и редакторы – и лучшие друзья: Салли Барнс, Крис Кроу, Ли Гаррет, Джейн О'Рива, Денни Грейсон, Леонард Литтл, Скотт Смит, Пенни Хилл, Джуди Прей, Дейв Мюррей, Кэролайн Уильямс, Джон Киз, Кристиан Райли и Эмми Роджерс. И, как всегда, особое спасибо Стиву Прею за его карты и рисунки… а также Черей МакКартер за материал для отличных историй. Благодарность Скотту Брауну за помощь в области медицины (видишь, ты есть в романе), а также Михир Ванчу – за присутствие с самого начала. Спасибо Каролин МакКрей, которая наконец-то зажигает собственную звезду… и Дэвиду Сильвиану за то, что собрал вместе все куски. Спасибо всем в «Харпер Коллинз» за то, что всегда прикрывают мне спину: Майклу Моррисону, Лиате Стелик, Силу Балленджеру, Даниэле Бартлетт, Джошу Марвеллу, Линн Грейди, Адрианне ди Пьетро, Ричарду Акуанну, Тому Эгнеру, Шону Николсу, Ане-Марии Аллесси, Ольге Гарднер и Венди Ли (я буду скучать по тебе). И, в конце, конечно, особая благодарность четырем людям, технически осуществлявшим все этапы производства: моему редактору Лисе Кёш и ее коллеге Аманде Бержерон, а также моим агентам Руссу Галену и Дэнни Барору. Ну, и как обычно: все фактические ошибки и неточности в деталях, которые встретятся вам в этой книге, я оставляю на своей совести.

Африканский Рог

Высказывания президентов, погибших от рук заговорщиков

О существовании и угрозах современных тайных обществ:

«…по всему миру нам противостоит монолитная и безжалостная организация заговорщиков, полагающихся, по большей своей части, на завуалированные средства в деле расширения сфер своего влияния… создающая крепко сколоченную высокоэффективную машину подавления из целой комбинации военных, дипломатических, разведывательных, экономических, научных и политических операций».
Джон. Ф. Кеннеди, из речи, произнесенной им в отеле «Уолдорф-Астория» 27 апреля 1961 года

О жизни и смерти:

«Очевидно, что Господь никогда бы не создал человека, не наделенного способностью объять бесконечное, существовать лишь ради одного дня! Нет, нет, человек создан для бессмертия».
Авраам Линкольн

Исторические заметки

В истории известно множество теорий заговоров. И мы обречены на вечные поиски определенных схем и моделей этих теорий среди хаоса, признаков невидимого кукольника, манипулирующего отдельными человеческими жизнями, целыми правительствами и путями развития человечества. Некоторые из этих тайных заговорщиков представляются нам злодеями; другие же, напротив, предстают великими благодетелями. Существование некоторых групп заговорщиков основано на исторических фактах; другие же являются лишь плодом вымысла; но еще больше таких, где вымысел и реальность сплетаются и образуют гордиев узел. Причем сплетаются так плотно, что отделить одно от другого невозможно, и перед нами предстает своеобразный узловатый и пестрый гобелен истории, не имеющей никакого отношения к правде.

И нет, пожалуй, в истории другой организации, которая выглядела бы правдивее, нежели пользующийся дурной славой орден рыцарей-тамплиеров.

Орден этот возник в начале двенадцатого века и состоял поначалу из девяти рыцарей, которые поклялись защищать паломников на их пути в Святую землю и обратно. Никто тогда не знал, что столь скромное начало приведет к созданию великой организации, чье богатство и власть будут только умножаться, чье влияние распространится в Европе до такой степени, что тамплиеров начнут бояться даже папы и короли. А затем 13 октября 1307 года король Франции и тогдашний папа договорились распустить орден и арестовать рыцарей на том основании, что те совершили множество жестоких преступлений. После этого, с позволения сказать, «очищения» возникло немало легенд и мифов, искажающих истинную судьбу ордена. Особое распространение получили истории о спрятанных и потерянных тамплиерами сокровищах; о рыцарях, которые бежали от преследования и нашли убежище на берегах Нового Света. Бытовала даже легенда, что орден дожил до наших дней, существует втайне и под строжайшей охраной и обладает властью, способной перевернуть мир.

Однако давайте оставим все эти спекуляции и мифологию и вернемся к тем первым *девяти* рыцарям. Многие понятия не имеют о том, что эти девять членов основателей ордена были связаны кровным родством и происходили из одной семьи. Имена восьмерых из них упоминаются в исторических документах. Девятый же до сих пор остается загадкой и источником измышлений современных историков. Кто же был этот таинственный основатель ордена, обретшего такое могущество и славу? Почему имя последнего рыцаря никогда нигде не упоминалось – ни в хрониках, ни в документах – в отличие от имен остальных восьмерых?

Ответ на эту загадку и есть начало великого приключения.

Отрывки из научных заметок

21 февраля 2011 года на обложке журнала «Тайм» появился такой подзаголовок: «*2045, человек года обретает бессмертие».* Подобное заявление могло показаться дикостью, но другие ученые пришли к аналогичным выводам. Вот что писал доктор Рональд Клац в своей книге «Последние достижения в геронтологии»:

«Вполне возможно, что лет через пятьдесят или около того любой индивид, не ставший жертвой несчастного случая или убийства, неважно он или она, сможет жить вечно, иными словами – стать бессмертным».

Все мы живем в удивительное время, когда прогресс в медицине, генетике, высоких технологиях и миллионе других дисциплин достиг таких высот, что перед человечеством открылись новые горизонты. А именно – *бессмертие.*

Как оно проявится, какую форму примет? На этих страницах вы найдете ответ. Концепции, описанные в этом романе, основаны на фактах, на обширных научных исследованиях, начало которым положили еще изыскания советских ученых во времена холодной войны. Но прежде чем вы перевернете первую страницу, мне хотелось бы внести одну поправку в приведенные выше смелые утверждения ученых. Они слишком *консервативны* в своих оценках.

Потому как бессмертие не только наступит в самом близком времени – *оно уже существует.*

Пролог

Лето 1134 года
Святая земля

Как-то ее обозвали ведьмой и шлюхой.

Но было это первый и последний раз.

Она сидела верхом на боевом коне серой масти, и этот конь в черных доспехах осторожно ступал по полю брани. Все поле впереди, насколько хватало глаз, устилали тела убитых, мусульман и христиан. При ее приближении прерывали трапезу и взмывали в воздух вороны, питающиеся падалью, и черными тучами вились в небе. Другие падальщики – двуногие – пробирались среди тел, стаскивали с мертвецов обувь, выдергивали из тел усопших стрелы ради острых наконечников и перьев. Лишь несколько человек подняли головы и тотчас опустили, продолжив заниматься своим черным делом.

Она понимала, кого они видели, – просто еще одного рыцаря среди прочих, что сражались здесь. Груди были скрыты под кольчугой с плотной тканевой подкладкой и наплечниками. Из-под конического шлема спадали темные волосы, обрезанные до плеч – короче, чем у большинства мужчин того времени; тонкие черты лица частично затеняла металлическая пластина, забрало для защиты носа. К седлу был приторочен обоюдоострый меч; ножны бились о левое ее колено, издавая звон, поскольку длинные ноги защищали латы.

Лишь несколько человек знали, что этот рыцарь не мужчина. И *ни один* не знал, что у женщины этой есть тайны еще похлеще ее половой принадлежности.

Оруженосец поджидал ее у обочины изрезанной колеями дороги. От нее начиналась извилистая тропа, круто поднималась в гору и обрывалась у каменной башни. Строение это, глубоко запрятанное среди горных отрогов Нафтали, что в Галилее, не имело названия и выглядело так, точно его выдолбили из цельного камня, точно является оно частью самой горы. За зубчатой стеной было видно, как раскаленный шар солнца медленно оседает к горизонту, временами красный его диск затенял дым лагерных костров и факелов.

Молодой человек опустился на одно колено, она натянула поводья, остановила лошадь и спросила:

– Он все еще здесь?

В ответ – кивок. И явный испуг на лице.

– Лорд Годфри поджидает вас.

Оруженосец явно избегал смотреть в сторону каменной башни. У нее же хватило духу. Она даже приподняла забрало, чтобы лучше разглядеть.

Ну, наконец-то… Лучше поздно, чем никогда.

Она провела целых шестнадцать лет – начиная еще с тех времен, когда ее дядя основал в Иерусалиме орден бедных рыцарей-тамплиеров, – в поисках невозможного, несбыточного. Даже дядя не в силах был понять, чем продиктована причина столь страстного ее желания присоединиться к ордену, но членам этой семьи отказывать не принято. И вот ей вручили белую мантию ордена, ничем не отличающуюся от тех девяти, самых первых, безликую, как и шлем, который она носила. А членов ордена вокруг все прибывало, и власть их только укреплялась.

Другие члены ее семьи, кровные родственники, продолжали манипулировать рыцарским орденом как извне, так и изнутри; приумножали свои богатства и знания, занимались поисками ценных реликвий в заброшенных склепах и древних захоронениях по всему

Египту и на Святых землях. И, несмотря на четкую организацию и планирование, у них тоже, разумеется, случались провалы. К примеру, всего год тому назад они упустили случай приобрести мощи волхвов – останки трех библейских царей, наделенные, по преданиям, невиданной волшебной силой.

Но сегодня она не допустит очередного провала.

Она тряхнула поводьями и направила своего коня по каменистой тропе. С каждым шагом мертвых тел на обочинах становилось все больше; становилось ясно, что стражам башни стоило немалых усилий отбить последнюю атаку противника. Поднявшись на вершину горы, она увидела, что ворота сломаны, превратились в щепки под ударами огромного тарана в железной оковке.

Вход охраняли два рыцаря. Оба приветствовали ее кивками. Тот, что помоложе, был в ордене новичком, над сердцем у него был вышит алый крест. Не так давно рыцари-тамплиеры решили обзавестись собственным символом, демонстрирующим их решимость пролить кровь ради общего дела. Воин постарше, с растрепанными волосами и изъеденным оспинами лицом, носил традиционный белый плащ, накинутый поверх доспехов. Точно такой же был и у нее. Единственным украшением этих плащей служили пятна крови павших в бою врагов.

– Годфри ждет тебя в крипте, – сказал рыцарь постарше и указал на цитадель за воротами.

Она провела коня по обломкам, оставшимся от ворот, и быстро спешилась, взмахнув плащом. Обоюдоострый меч остался приторoченным к седлу – она не опасалась нападения со стороны единственного выжившего защитника башни. Лорда Годфри никак нельзя было упрекнуть в отсутствии тщания. Свидетельства его усердия были видны по всему двору – на деревянные пики были насажены головы последних защитников крепости. А обезглавленные тела были сложены, точно поленья, у дальней стены.

Битва была окончена.

Остались лишь боевые трофеи.

Она толкнула дверь и оказалась в темноте. Сразу от входа начиналась узкая лестница, выдолбленная в камне, она уходила вниз. Там, в отдалении, мерцал оранжево-красный огонек факела, отмечавшего конец этой лестницы. Она торопливо сбежала вниз.

Неужели это правда? После стольких лет…

И вот она ворвалась в длинный и довольно широкий коридор, по обеим сторонам которого тянулись стены из каменных саркофагов, их были десятки, если не сотни. Спеша вперед, она едва замечала на них египетские иероглифы, целые строки из каких-то символов, напоминающие о таинственных дохристианских временах и их тайнах. Впереди, в самом дальнем конце, в свете факела вырисовывались две фигуры, один человек стоял на коленях, опираясь на посох, чтобы держать спину прямо.

Лишь приблизившись к ним, она заметила, что последний в ряду саркофаг вскрыт, треснувшая каменная крышка валялась рядом на полу. Похоже, кто-то уже заглянул в него в поисках сокровищ. Но во вскрытой гробнице не было ничего, кроме пепла и еще каких-то высохших листьев и стебля.

Она подошла уже совсем близко. На лице лорда Годфри читалось разочарование.

– Ну вот, наконец-то появилась, – пробормотал он с напускной веселостью.

Она проигнорировала рыцаря. Он был на голову выше ее, но сходство между ними подчеркивали прямые черные волосы и орлиный нос – внешность, характерная для выходцев с юга Франции. Что ж, неудивительно, ведь они являлись дальними родственниками.

Она тоже опустилась на колени и всмотрелась в лицо пленного. Загорелое, дотемна опаленное солнцем, но гладкое, без морщин, и напоминает мягкую кожу хорошей выделки. Из-под спутанных прядей темных волос на нее смотрели черные глаза, в них плясали

отсветы факела. Он стоял на коленях, но не выказывал ни малейшего страха, лишь глубокую печаль, и при виде этого ей почему-то захотелось влепить ему пощечину.

Годфри опустился рядом с ней; ему явно хотелось вмешаться, как-то подчеркнуть свою значимость. И хотя он был одним из немногих, знавших, кто она такая, самые сокровенные ее тайны были ему неведомы.

– Моя госпожа… – начал он.

Глаза пленного сузились, только теперь он понял, что перед ним женщина, и так и впился в нее взором. От печали не осталось и следа, на смену ей пришел страх, но ему тотчас удалось совладать с ним.

Интересно… что ему известно о нашем роде, наших тайнах?..

Но Годфри прервал ее размышления и продолжил:

– Выполняя ваши приказы, мы положили немало жизней и пролили реки крови, чтобы отыскать это место, которое столь тщательно держали в тайне от всех и охраняли заклятия неверных. И что же нашли здесь? Лишь этого человека и охраняемые им сокровища. Кто он такой? Так и подмывает узнать это, ткнув его мечом.

Она не стала тратить лишних слов. И сама заговорила с пленным на древнем арабском диалекте:

– Ты когда родился?

Он не спускал с нее горящих темных глаз; казалось, способен был оттолкнуть ее одной лишь силой воли, силой внутреннего духа. Видно, пытался сообразить, стоит ли солгать, но затем, всматриваясь в лицо этой девушки, передумал – понял, что ложь не пройдет.

А потом заговорил, и каждое ее слово звучало тихо, но веско:

– Я был рожден в Мухарраме, в Хиджри, в девяносто пятом.

Годфри достаточно понимал по-арабски, чтобы понять это.

– В девяносто пятом году? Но тогда получается, что ему больше тысячи лет!

– Нет, – сказала она скорее себе, нежели ему, быстро произведя подсчеты в уме. – Его народ использует другое летоисчисление, и отсчет времени начинается с того дня, когда их пророк Мухаммед прибыл в Мекку.

– Так, значит, этому парню не тысяча лет?

– Нет, конечно, – ответила она, завершая подсчеты в уме. – Он прожил всего *пятьсот двадцать лет.*

Уголком глаза она заметила, как Годфри с отвращением затряс головой.

– Но это невозможно… – с дрожью в голосе, выдающей крайнюю степень волнения и недоверия, пробормотал он.

Она по-прежнему не отрывала глаз от лица пленного. Эти глаза говорили о глубочайшем пугающем знании. Она пыталась представить, чего удалось перевидать этому человеку на протяжении нескольких веков: подъем и распад могущественных империй, города, вырастающие из песков, с тем чтобы быть снова погребенными под ними… Да, этот человек способен немало поведать о древних тайнах и забытых страницах истории.

Однако не стоит давить на него. Она здесь не для того, чтобы задавать ему вопросы. Да и потом, вряд ли он станет отвечать на них.

– Нет, кто угодно, только не этот человек. Если его вообще можно назвать *человеком.*

Вот он заговорил снова; его пальцы так и впивались в посох, в голосе звучало предупреждение:

– Этот мир еще не готов для того, что вы ищете. Это запретное знание.

Но она отказывалась отступать.

– Не тебе это решать. Если человек достаточно умен, чтобы понять, значит, он вправе владеть этим знанием.

Он продолжал смотреть на нее, взгляд сместился чуть ниже, остановился на груди, спрятанной под доспехами.

– Сама Ева поверила в Сады Эдема, слушая змея. Вот и сорвала яблоко с Древа Знаний.

– Ах, – отмахнулась она и придвинулась поближе. – Ты меня с кем-то спутал. Я тебе не Ева. И никакое Древо Знаний меня не интересует. То, что я ищу, называется по-другому. *Древом Жизни.*

Выхватив кинжал из ножен, она вскочила и вонзила кинжал по самую рукоятку чуть ниже подбородка пленного. Вонзила с такой силой, что на миг приподняла его с колен. Этим смертоносным ударом она положила конец многовековому существованию загадочного создания. А заодно – и опасности, которую этот человек собой представлял.

Годфри ахнул и отступил на шаг.

– Но разве не этого человека ты так долго стремилась найти?

Она выдернула кинжал из раны – кровь так и брызнула фонтаном, – затем оттолкнула ногой тело. И перехватила посох прежде, чем он выпал из рук убитого.

– Я искала не человека, – пробормотала она, – а то, что он нес с собой.

Годфри покосился на посох, вырезанный из ветви оливкового дерева. Струйки свежей крови бежали по его поверхности, местами сквозь них проступала резьба – сложное переплетение из змей и виноградных лоз. Этот рисунок тянулся вдоль всего посоха.

– Что это? – Глаза рыцаря расширились от изумления.

Тут впервые за все время она взглянула прямо ему в лицо. А затем вонзила лезвие кинжала ему в левый глаз. Он слишком много знал и видел, чтобы оставлять его в живых. Рыцарь медленно осел на пол, тело забилось в безобразных предсмертных конвульсиях. Последним усилием воли он пытался вырвать кинжал из глаза. И только тогда она ответила на его вопрос, не выпуская из рук древний посох из оливкового дерева.

– Вот, смотрите, Бачал Изу[1], – прошептала она, адресуясь к грядущим векам. – Им владел Моисей, держал в руках Давид… Вот он, самый настоящий посох Иисуса Христа.

[1] Бачал Изу (Bachal Isu) – Посох Иисуса.

4 июля
За пять дней до настоящего времени

Убийца смотрел через телескопический прицел винтовки, затем опустил ствол чуть ниже – в перекрестье тонких черных линий попал профиль президента Джеймса Т. Ганта. Он перепроверил расстояние до цели – семьсот ярдов – и поймал в прицел снайперской винтовки «USMS M40A3» затылочную косточку за левым ухом мужчины, зная, что при попадании в нее нанесет максимальный ущерб. В микрофонах его наушников звучали веселая музыка и радостный смех – члены семьи проводили праздничный пикник. Но он тут же отмахнулся от всех этих звуков и мыслей, заставил себя сосредоточиться на своей цели, своей миссии.

В истории США три президента умерли именно в этот день, 4 июля, день рождения страны. Вряд ли то было простым совпадением.

Томас Джефферсон, Джон Адамс и Джеймс Монро.

Сегодня умрет четвертый.

Коммандер[2] Грей Пирс задержал дыхание и плавно спустил курок.

[2] Коммандер – в США воинское звание в ВМС, между лейтенант-коммандером и капитаном.

Часть первая
Нынешний день

Глава 1

30 июня, 11 часов 44 минуты по восточному поясному времени
Такома-Парк, Мэриленд

Когда Грей Пирс свернул к дому, мотор его «Форда Тандерберд» 1960 года выпуска капризно заворчал и закашлялся.

Он сам едва не разворчался.

– Ты вроде бы собирался продать этот дом? – спросил Кенни.

Младший брат Грея сидел рядом, на пассажирском сиденье, высунув голову в окно и глядя на искусно возведенное бунгало с деревянной террасой по кругу и низко нависающей двускатной крышей.

– Уже нет, – ответил Грей. – Только смотри, отцу ни слова. Он параноик, просто свихнулся на этой теме.

– Тоже мне, новость… – еле слышно и с горечью пробормотал Кенни.

Грей сердито покосился на брата. Он подобрал Кенни в аэропорту имени Даллеса после перелета через всю страну из Северной Калифорнии. Глаза у брата были красными – возможно, сказался долгий перелет или же бессчетное число маленьких бутылочек джина, выпитого в салоне первого класса. В этот момент Кенни напоминал ему отца, в особенности из-за запаха перегара.

Уже въезжая в семейный гараж, он взглянул на свое отражение в зеркале заднего вида винтажной машины. Общей чертой обоих братьев были красноватый, типично уэльский цвет лица и темные волосы – в точности как у отца. Только свои Грей стриг коротко, а Кенни завязывал в конский хвост – слишком уж молодежная, на взгляд брата, прическа для парня под тридцать. Мало того, он носил полотняные шорты и просторную футболку с логотипом какого-то клуба по серфингу. Кенни работал инженером-компьютерщиком на компанию в Пало– Альто, и, очевидно, такой прикид там был в порядке вещей.

Грей вылез из машины, стараясь подавить раздражение, которое вызывал у него брат. По дороге сюда Кенни непрерывно говорил по мобильнику, обсуждая какие-то дела с сослуживцем на том конце континента. С Греем он едва ли обмолвился парой слов, предоставив брату роль водителя.

Словно у меня нет своего собственного дела.

На протяжении всего последнего месяца Грею приходилось несладко – нужно было решать много вопросов после смерти матери, а умственное здоровье отца все ухудшалось, и тот уже был ему не помощник. Кенни приехал на похороны, намереваясь провести с братом неделю, чтобы помочь разобраться с делами, но ровно через два дня возникли безотлагательные проблемы, связанные с бизнесом, он улетел, и все тяготы пали на плечи Грея. В каком-то смысле было бы лучше, если бы брат не приезжал вовсе. Он начал заполнять какие-то бумаги, связанные со страховкой, все, разумеется, перепутал, и Грей был вынужден исправлять.

Но сегодня все будет по-другому.

После долгого и жаркого разговора Кенни согласился приехать, потому как положение сложилось критическое. Отец их страдал от болезни Альцгеймера и после скоропостижной кончины жены впал в глубокую депрессию. Последние три недели он провел в специализированной клинике для людей с психическими и умственными расстройствами, но вчера вечером вернулся домой. И в связи с этим Грею понадобилась пара лишних рук. У Кенни накопилось достаточно отпускных дней, и он вполне мог провести дома две недели. Грей твердо вознамерился не отпускать его раньше этого времени.

Сам он взял месячный отпуск и должен был вернуться в штаб-квартиру «Сигмы» через неделю. За это время надо было привести собственный дом в порядок. Куда он и привез теперь Кенни.

Брат вытащил свои вещи из багажника, с грохотом захлопнул крышку, но продолжал опираться рукой на хромированный бампер.

– А что с машиной отца? Мы и ее тоже можем продать. Вряд ли он сможет водить в таком состоянии.

Грей сунул ключи в карман. Классический «Форд Тандерберд» – черный, как вороново крыло, с красным кожаным интерьером салона – всегда был гордостью и радостью отца. Он держал машину в идеальном порядке, подправлял и реставрировал, установил новый карбюратор «Холли», новую систему зажигания и электрическую дроссельную катушку.

– Машина останется, – сказал он. – Врач отца настоятельно рекомендует, чтобы окружение оставалось стабильным и неизменным, чтобы все шло по заведенному в доме порядку. Кроме того, даже если он не может водить, ему все будет чем заняться. Чинить там, усовершенствовать…

Прежде чем Кенни сообразил, что еще можно было бы продать из отцовского имущества, Грей направился к двери. Он не собирался помогать брату с багажом – пусть сам несет. Может и попозже разобрать.

Но Кенни не унимался:

– Если все оставить как есть, притвориться, что ничто не изменилось, – почему тогда я вообще здесь?

Грей сжал кулаки и резко развернулся к нему. Так и подмывало врезать как следует.

– Да просто потому, что ты его сын! И самое время доказать это!

Кенни смерил брата взглядом. Глаза Грея гневно сверкали. В этот момент он был очень похож на отца. Кенни часто видел отца в гневе, особенно в последнее время, и чувство это было продиктовано у него ощущением собственного бессилия и страхом. Так что подобная реакция новостью для него не была. Отец всегда был человеком суровым и жестким; работал нефтяником в Техасе. Затем произошел несчастный случай, и ему отняли левую ногу выше колена, а заодно – гордость, и тогда весь свой гнев он направил на жену. Его бесила сама мысль о том, что мать двух сыновей вынуждена была пойти работать. Чтобы как-то компенсировать утраченную значимость, он установил в доме порядок, как в военном лагере. И Грей, такой же упрямец, как и отец, часто нарушал его – он был прирожденным бунтарем. А когда ему стукнуло восемнадцать, просто собрал свои вещи и ушел служить в армию. Только матери удалось сохранить семью от полного распада, вновь собрать всех вместе.

А теперь и она ушла.

Что же они будут делать, как жить без нее?..

Но вот Кенни подхватил наконец свою сумку, протиснулся мимо Грея и произнес несколько слов, которые резанули точно колючая проржавевшая проволока:

– Я, по крайней мере, маму не убивал.

Месяц тому назад подобное заявление привело бы Грея в неописуемое бешенство. Но после назначенных ему сеансов у психоаналитика – это вовсе не значит, что он не пропустил ни одного, – обвинение брата, брошенное прямо в лицо, заставило лишь похолодеть

и на мгновение застыть на месте. Нет, он не такой дурак, чтобы поддаваться на дешевую провокацию. «Побочный эффект» – именно такое определение использовал его психиатр, выискивая причину, по которой пациент страдает чувством вины.

Однако хоронили маму в закрытом гробу.

Даже сейчас Грей был не в силах справиться с болью при одной только мысли об этом. Единственным, что заставляло его жить и как-то двигаться дальше, была мысль об отмщении. Он должен найти и уничтожить тайную организацию, стоявшую за этим хладнокровным убийством.

Именно этим он теперь и занимался, действуя неспешно, шаг за шагом.

И ничем другим заниматься просто не мог.

22 часа 58 минут по восточноафриканскому времени Неподалеку от Сейшельских островов

Что-то разбудило ее ночью. Яхта стояла на якоре.

Чисто инстинктивным жестом Аманда дотронулась до разбухшего живота, точно проверяя, все ли с ней в порядке. Может, начались схватки? На девятом месяце беременности то было единственным поводом для волнения, чисто материнским рефлексом в попытке защитить свое еще не рожденное дитя. Но боли в животе не было, если не считать того, что плод давил на мочевой пузырь.

И все равно Аманда, перенесшая до этого два выкидыша, отказывалась успокаиваться. Она пыталась убедить себя, что потеряла тех двух младенцев – мальчика и девочку – на первых трех месяцах беременности.

А сейчас я уже перешагнула через этот рубеж – тридцать шесть недель. Все хорошо, все нормально.

Она приподнялась на локте. Муж тихо похрапывал рядом на широкой двуспальной кровати в главной каюте яхты; темная его кожа резко контрастировала с белоснежным шелковым постельным бельем. Она всегда успокаивалась в присутствии Мака, такого сильного, мускулистого, с полосками черной щетины, проступившей на щеках и подбородке. Он напоминал ей Давида Микеланджело, вырубленного из черного гранита. И, однако, ей никак не удалось побороть чувство беспокойства. Тонкие белые пальцы зависли над его обнаженным плечом. Ей не хотелось будить Мака, но если б он обнял ее сильными своими руками, сразу полегчало бы.

Ее родители – выходцы из аристократической семьи с американского Юга – хоть и с трудом, но одобрили замужество дочери: сказались современные веяния. И потом, подобное смешение кровей семье только на пользу. Она – голубоглазая блондинка, выросшая в замкнутом привилегированном мирке; он же, напротив, темноволос и темноглаз, и кожа у него черная, и детство у него было суровое, он провел его на улицах Атланты. Подобная пара – просто реклама фамильной толерантности, смотрится шикарно. Но рекламе счастливой молодой семьи недоставало одного ключевого элемента. Ребенка.

Поначалу они целый год не могли зачать. Затем выяснилось, что это вызвано бесплодием мужа, и они прибегли к искусственному оплодотворению донорской спермой. И вот после третьей попытки и двух выкидышей наконец преуспели.

Ладонь ее защитным жестом снова легла на живот.

Мальчик…

А затем снова начались неприятности. Неделю тому назад она получила загадочную записку, где ей советовали бежать, причем немедленно, и ничего не говорить семье. Там был намек и о причине, впрочем довольно туманный, однако и этого было достаточно, чтобы убедить ее пуститься в бега.

Сверху с палубы донесся шум, звук падения чего-то тяжелого. Она села, напрягла слух.

Муж перевернулся на спину, сонно протирая глаза.

– Что такое, малыш?

Аманда лишь покачала головой и прикрыла ему рот ладонью, заставив замолчать. Они предприняли столько предосторожностей, рассчитали каждый свой шаг. Нанимали несколько частных самолетов, пересекали границы по поддельным документам, петляли, меняли маршруты и вот всего неделю тому назад оказались в другом конце мира, приземлившись на узкой полоске аэродрома, на крошечном островке Эзампшн, который являлся частью Сейшельского архипелага. Почти сразу же после прилета они поднялись на борт частной яхты и пустились в плавание среди целой цепочки островов, изогнувшихся изумрудно-зеленой дугой на бирюзе морских вод. Аманде так хотелось уединения, хотелось оказаться вдали от любопытных глаз и одновременно – неподалеку от столицы Сейшел, города Виктории, на случай, если возникнут проблемы с беременностью.

По прибытии лишь капитан и два члена его команды видели их лица, но ни один не знал настоящих имен.

Казалось бы, план просто безупречный.

Тут она услышала приглушенные голоса. Разобрать слов не могла, но в интонациях звучала явная угроза. А потом вдруг грянул выстрел – оглушительный, точно удар грома.

Сердце у нее бешено забилось.

Только не теперь! Только не сейчас, когда мы так близки к…

Мак скинул простыни, на нем были только трусы.

– Останешься здесь, Аманда! – Он выдвинул верхний ящик тумбочки, достал большой черный автоматический пистолет – оружие, оставшееся после нескольких лет службы в полицейском управлении Чарльстона. Потом указал стволом в дальний конец каюты. – Спрячься в ванной!

Аманда, побледневшая и сразу вся ослабевшая от страха, медленно сползла с постели, придерживая руками огромный живот.

Мак метнулся к двери, посмотрел в глазок. Потом осторожно отворил ее, выскользнул в коридор и плотно и бесшумно прикрыл за собой, не забыв скомандовать жене:

– Запрись.

Аманда повиновалась, затем осмотрела помещение в поисках хоть какого-нибудь оружия. И остановила свой выбор на небольшом ноже для резки свежих фруктов, которые подавали в каюту каждое утро. Ножик до сих пор был липким от сока папайи. Зажав его в руке, она направилась к ванной, но на пороге вдруг остановилась. Просто не могла заставить себя туда войти. Боялась оказаться в ловушке в таком тесном замкнутом пространстве. Страх обуял все ее существо.

Наверху грохнули еще несколько выстрелов, послышались крики и проклятия.

Аманда медленно опустилась на колени, сжимая ножик в одной руке и придерживая живот другой. Казалось, ее волнение передалось ребенку. Она почувствовала, как он толкнул ее ножкой.

– Не позволю им обидеть тебя, – прошептала она своему мальчику.

Наверху, над головой, слышались шаги. Кто-то расхаживал по палубе.

Она смотрела в потолок, точно надеялась рассмотреть сквозь доски, что происходит на палубе в свете звезд. Что там? Сколько их?..

Потом вдруг в дверь кто-то начал царапаться, а затем раздался тихий стук.

Аманда подскочила к двери, посмотрела в глазок. Мак кивнул ей. Потом резко обернулся и осмотрел коридор за спиной. Неужели нашел способ выбраться с этой проклятой яхты или же прибежал от отчаяния, в последней попытке защитить ее?

Онемевшими пальцами она нащупала замок, отперла и потянула дверь на себя, приоткрыв на небольшую щелочку. И в следующую секунду в ужасе отступила. В каюту вошел высокий, обнаженный до пояса мужчина. Но это был не ее Мак.

Голову Мака он держал за горло, в правой руке. По ней до локтя стекали струйки алой блестящей крови. В другой руке он сжимал окровавленное мачете. И широко улыбался, обнажив огромные, точно у акулы, зубы, довольный тем, что фокус удался.

Она в ужасе отступала, забыв про зажатый в руке ножичек.

Вслед за этим монстром в каюту вошел еще один человек – бледный мужчина в безупречно пошитом белоснежном костюме. Единственное, что нарушало эту гамму, – темные волосы и тоненькие черные усики над плотно сжатыми, еще более тонкими губами. Он тоже улыбался, но как-то извинительно, точно был смущен выходкой своего напарника.

Затем он произнес несколько резких слов на каком-то африканском диалекте, очевидно отчитывая этого типа. Пожав плечами, тот швырнул отсеченную голову на кровать.

– Идемте, нам пора, – с классическим британским акцентом произнес мужчина в костюме, точно приглашал ее на вечеринку.

Она отказывалась двигаться – просто не могла.

Британец вздохнул и сделал знак своему напарнику.

Тот подошел, грубо схватил ее под локоть и потащил к двери. Британец последовал за ними. Они прошли через небольшой коридор, затем поднялись на палубу.

Там царили ужас и хаос.

Безжизненные тела капитана, двух его помощников и двух нападавших лежали в лужах крови. Нападение на яхту было внезапным, команда отступила и сдалась, численное преимущество было не на ее стороне.

Оставшиеся в живых разбойники собрались на палубе; несколько человек остались в старой, видавшей виды шлюпке, привязанной канатом к поручням. Еще одна группа бандитов рыскала по яхте, вытаскивала ящики с вином, коробки с продовольствием, хватала все ценное, что попадалось под руку. Все до одного чернокожие, на телах некоторых красовались племенные насечки, часть из них совсем еще мальчишки. И все вооружены – ржавыми мачете, старыми автоматами и пистолетами.

Пираты.

На небе ярко сияла луна, тянуло свежим ветерком с юго-востока, и в голове у Аманды достаточно прояснилось, чтобы понять: ситуация безвыходная. Ее тут же охватили отчаяние и глубокое чувство вины. Она вообразила, что здесь, невдалеке от Сейшельских островов, безопасно – ведь находились они достаточно далеко от Африканского Рога, – и считала, что они хорошо защищены от современных пиратов, хозяйничавших в тамошних водах.

Ужасная, роковая ошибка!

Ее подтолкнули к привязанной к борту лодке, британец шел следом. Когда-то в докладах отца она читала о том, что в финансировании и организации такого доходного бизнеса, как пиратство, самое активное участие принимали несколько эмигрантов из Европы.

Аманда смотрела на британца и дивилась тому, как это во время всей этой резни он умудрился не запачкать ни единой капелькой крови свой девственно-чистый белоснежный костюм.

Видимо, он заметил это и, дойдя до перил, остановился и обернулся к ней.

– Чего вам от меня надо? – спросила она и вдруг втайне порадовалась тому, что все бумаги, находившиеся на борту, скрывали ее истинное имя. – Ведь я просто никто.

Британец опустил глаза, но не потому, что ему вдруг стало стыдно.

– Нам нужны вовсе не вы. – Теперь он смотрел на ее живот. – Не вы, а ваш ребенок.

19 часов 00 минут
Такома-Парк, Мэриленд

Прижимая одной рукой к бедру пакет с продуктами, Грей распахнул застекленную заднюю дверь в дом. В ноздри ударил запах свежевыпеченного пирога с корицей, такой аппетитный. На обратном пути из спортзала он получил смс-сообщение от Кенни с просьбой купить коробку французского ванильного мороженого и еще кое-какие продукты для сегодняшнего обеда – первого семейного обеда со дня трагической кончины матери.

На плите в большом котелке томился и булькал соус болонезе; рядом с раковиной сушилась миска для спагетти. Тут послышалось шипение, и Грей снова взглянул на плиту. Только тут он заметил, что соус кипит слишком сильно. Никто не присматривал за его приготовлением; из котелка выплеснулась и потекла вниз густая красная жижа, с шипеньем закапала на газовую горелку.

В доме что-то не так.

И он тут же получил подтверждение этой своей мысли. Из соседней комнаты раздался громкий и яростный крик:

– ГДЕ МОИ КЛЮЧИ?

Грей уронил пакет с продуктами на разделочный столик, выключил газовую горелку и бросился в столовую.

– КТО-ТО УКРАЛ МОЮ МАШИНУ!!!

Пробежав через столовую, Грей ворвался в гостиную. Вокруг камина – сейчас холодного и темного – была расставлена массивная мягкая мебель. Отец сидел, откинувшись на спинку кресла, лицом к окну. Некогда он целиком заполнял своим телом это кресло и восседал на нем с командирским видом. Теперь же от него осталась лишь тень, он походил на скелет.

Но силы он сохранил. Резким движением попытался подняться из кресла, но Кенни придержал его за плечи. Ему помогала небольшого росточка женщина в голубом халате и тапочках, каштановые волосы с проседью собраны в пучок. Стоя на одном колене, она держала отца за руку и уговаривала его успокоиться.

Мэри Беннинг была дипломированной медсестрой и работала в той больнице, где лежал отец. Он успел к ней привязаться. И Грею удалось уговорить ее какое-то время поработать у них в доме, ухаживать за отцом, чтобы всегда быть под рукой в самые трудные моменты. Они договорились, что Кенни будет присматривать за ним днем, до тех пор, пока Грей с Мэри не подыщут сиделку на постоянной основе, и тогда наблюдение будет круглосуточным. Стоили такие услуги дорого, но директор Кроу договорился об адекватной компенсации, страховом пособии, выплачиваемом после смерти, что помогло бы покрыть все расходы и держать отца Грея дома, а не в больнице.

– Харриет! Отпусти! – взвыл отец, вырвал руку у Мэри и едва не заехал Кенни локтем в нос.

Медсестра положила руку ему на колено, легонько сжала.

– Джек, это я, Мэри.

Только тут он взглянул на нее, на лице отразилось смущение, а потом вдруг весь так и обмяк. Память вернулась.

Мэри обернулась к Грею.

– Ваш отец видел, как вы приехали с продуктами. Увидел «Тандерберд» и вдруг страшно занервничал. Но теперь он в полном порядке. Все хорошо.

Кенни выпрямился, лицо его было мрачно. Прежде ему не доводилось видеть отца в таком состоянии. Он покачал головой и отошел в сторону.

Движение это привлекло внимание отца. Глаза его удивленно расширились.

– Кенни? А ты что здесь делаешь?

Кенни не знал, что ответить на это. Память отца была издырявлена, словно швейцарский сыр.

Но тут на выручку поспешила Мэри. Похлопав старика по колену, она сказала:

– Да он здесь уже целый день, Джек.

Отец оглядел всех присутствующих по очереди, затем откинулся на спинку кресла.

– А, ну да, конечно… помню… помню.

Но помнил ли он? Или только притворялся?

Кенни покосился на брата, глаза его словно остекленели от шока.

Добро пожаловать в мой мир.

– Пойду, пожалуй, помогу с готовкой, – сказала Мэри. Поднялась, стряхнула пыль с колена.

– А я закончу распаковывать вещи, – сказал Кенни и торопливо вышел из комнаты.

– Хорошая идея. Умыться с дороги не забудь, – буркнул отец. То было лишь жалкое эхо некогда повелительного тона. – Твоя комната наверху…

– Я еще не забыл, где она, – сказал, как отрезал, Кенни. Получилось довольно грубо – с больными, страдающими Альцгеймером, так разговаривать не принято.

Но отец лишь кивнул, вполне удовлетворенный ответом.

Как только Кенни вышел, отец наконец заметил Грея, стоявшего рядом. Смущение, читавшееся на лице, испарилось, на смену ему пришел застарелый гнев. Понадобилось две недели, чтобы отец наконец вспомнил и осознал смерть жены, и рана его еще не зажила. Он также знал о причине этой потери. Об *этом* он будет помнить всегда. За последние несколько недель выпало немало трудных дней, но что тут можно было поделать? Теперь уже никакие слова ее не вернут.

Раздался стук в дверь. Оба они вздрогнули. Грей напрягся, ожидая самого худшего.

А Кенни уже направился в холл и отпер дверь.

На пороге стояла маленькая фигурка в черных кожаных брюках в облипку и просторной мотоциклетной куртке, накинутой поверх серой блузки. Под мышкой девушка держала шлем.

При виде ее мрак сразу развеялся, и Грей поспешил к двери.

– А ты что тут делаешь, Сейхан?

Отец тут же вмешался.

– Не принято держать даму на пороге, Кенни! – И он помахал гостье рукой. Память он, может, и потерял, но сохранил способность отличить красивую женщину от дурнушки.

– Спасибо, мистер Пирс. – И Сейхан вошла.

Двигалась она с грацией дикой кошки или пантеры, вся, казалось, состояла из сухожилий, мышц и соблазнительных изгибов. Проходя мимо Кенни, окинула его одобрительным взглядом. Самой ей как раз недоставало того, что она в нем увидела.

Затем она остановила взгляд на лице Грея и заметно напряглась – но не от гнева, скорее просто стремясь защититься. Недели три тому назад они поцеловались и обменялись обещаниями, но с тех пор почти не разговаривали. Никакой романтики в этом обещании не было – она лишь пообещала помочь Грею найти убийцу матери.

И все же Грей до сих пор помнил нежное и сладостное прикосновение этих губ. Возможно, за этим обещанием стояло нечто большее?..

Но тут его размышления прервал отец, указав на стол:

– А мы как раз собирались обедать. Не желаете к нам присоединиться?

– Вы очень добры, – сдержанно ответила Сейхан. – Но я всего на минутку. Просто надо перемолвиться одним словечком с вашим сыном.

И она устремила взор миндалевидных глаз – свидетельство ее евразийского происхождения – на Грея. И смотрела как-то особенно, со значением.

Стало быть, что-то узнала.

Некогда Сейхан работала наемным убийцей на секретное общество, ответственное за смерть его матери, некую международную преступную организацию под названием «Гильдия». Ее истинное предназначение и цели так и оставались тайной, даже для собственных агентов. Организация состояла из небольших ячеек, разбросанных по всему миру, каждая действовала независимо, ни у кого из членов этих отдельных команд не было представления об общей картине. Но постепенно Сейхан ополчилась против них. Ее завербовал директор Кроу, какое-то время она работала двойным агентом – ровно до тех пор, пока ее не разоблачили. И вот теперь, преследуемая бывшими нанимателями и агентами иностранных разведок за прошлые свои преступления, она стала напарником Грея.

А возможно, и кем-то большим для него.

Грей подошел к ней вплотную.

– Ну, что там?

Она заговорила, понизив голос:

– Мне позвонил директор Кроу. А потом пожаловал ко мне лично. В районе Сейшельских островов произошло похищение человека. Действовали сомалийские пираты. Жертва – американская гражданка, – по всей видимости, представляет особую ценность. Пейнтер хочет знать, имеешь ли ты отношение к этому делу.

Грей нахмурился. С чего это вдруг «Сигме» заниматься или интересоваться каким-то киднеппингом? На свете полно полицейских агентств и центров береговой охраны, которые обычно расследуют подобные преступления. Отряд «Сигма», в состав которого входили бойцы особого назначения, натренированные не только в военных, но и в различных научных дисциплинах, служил прикрытием для УППОНИР, Управления перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ. И группы бойцов «Сигмы» посылались по всему миру в случае возникновения угроз глобального значения, а вовсе не для того, чтобы похищать какую-то американку у африканских берегов.

Сейхан заметила недоумение, написанное у него на лице. По всей очевидности, подумал Грей, она знает больше, просто не может говорить в присутствии посторонних. Нет, происходит что-то серьезное, это ясно. При одной только мысли об этом у него тревожно забилось сердце.

– Дело деликатное и не терпит отлагательств, – добавила она. – Если летишь, самолет уже на заправке. И Ковальски выехал, забрать нас. Отъедем от твоего дома, и сразу на трассу. По дороге получим дальнейшие инструкции.

Грей с замиранием сердца покосился на кресло. Отец слышал весь их разговор и смотрел сейчас прямо в глаза сыну.

– Поезжай, – сказал он. – Делай свою работу. Здесь и без тебя помощников хватает.

Для Грея это высказывание служило хоть и слабым, но утешением. Одна надежда на то, что отец когда-нибудь простит его за это. Однако следующая фраза, произнесенная с горечью, тотчас развеяла все надежды в прах:

– И потом, чем реже я вижу здесь твою физиономию… тем лучше для меня.

Грей отступил на шаг. Сейхан подхватила его под локоть, точно боялась упустить. Но это жаркое прикосновение ее ладони сразу успокоило его. Вселило уверенность, как тот поцелуй, всего несколько недель тому назад.

В комнату, вытирая руки полотенцем, вошла Мэри. Она тоже слышала эти грубые слова и сочувственно посмотрела на Грея.

– Стол накрыт, все готово. Так что милости просим.

Грей поблагодарил ее кивком и позволил Сейхан увлечь себя к двери. На пороге он обернулся, хотел попрощаться с отцом. Ему очень хотелось сделать это, но он так и не смог вымолвить хоть слово.

И вот Грей уже на террасе. Замер на миг, взглянул на ступеньки, сбегающие вниз, и тяжко вздохнул.

– Ты в порядке? – спросила Сейхан.

Он провел рукой по волосам.

– В норме, как всегда.

Она продолжала пытливо всматриваться ему в лицо, точно хотела услышать правдивый ответ. Но так и не успела. Резкий визг резины по асфальту возвестил о прибытии транспорта. Оба они обернулись на этот звук – резко затормозил черный внедорожник. Опустилось боковое стекло, из него вырвалось облачко сигарного дыма. А затем высунулась бритая голова гориллы, энергично жующей зажатый в зубах окурок дешевой сигары.

– Так вы идете или как? – грубо спросил Ковальски.

Хотя этот человек порой страшно раздражал его, Грей был просто счастлив видеть своего старого боевого товарища. Он начал сбегать по ступенькам, но тут из дома выбежал Кенни и преградил ему путь.

– Ты не можешь сейчас уехать! Как же я? Мне-то что делать?

Грей указал на дом.

– Теперь твоя очередь. Ты что же, вообразил, что я буду заниматься этим все время?

Он отодвинул плечом опешившего брата и подбежал к внедорожнику. Рядом стоял мотоцикл Сейхан. Та бросилась следом, на ходу надевая шлем.

– Кто еще с нами? – спросил Грей.

– Нам приказано подобрать еще двух ребят, уже там, на месте. Говорят, будто они обладают каким-то неслыханным мастерством и очень пригодятся в деле.

– Кто такие?

В ответ девушка загадочно улыбнулась и опустила пластиковый щиток на шлеме. А затем с мрачным юмором бросила несколько слов:

– Надеюсь, ты излечился от водобоязни.

Глава 2

1 июля, 18 часов 32 минуты по восточноафриканскому времени
Республика Танзания

Его предупредил низкий хрипловатый рык.

Такер Уэйн так и вжался спиной в кирпичную стену узкой улочки, затем начал осторожно продвигаться к спасительному темному дверному проему. Всего час назад он заметил, что за ним тащится «хвост». Человек шел следом на значительном расстоянии. Такеру удалось сбросить этот «хвост», затеряться в лабиринте проулков и узеньких извилистых улочек, составлявших большую часть Занзибара.

Кто же его вычислил?

Он прижался спиной к деревянной резной двери. Нет, надо затеряться, нельзя допускать, чтобы его обнаружили. Последние три года он скитался по миру, через год ему исполнится тридцать. Две недели тому назад он добрался до архипелага Занзибар – целой цепочки купающихся в палящих лучах солнца островов у восточного побережья Африки. Одно название чего стоило – *Занзибар*… Оно напоминало о древних временах на этой земле, полной таинственности и мифов. Вот самое подходящее место, где можно затеряться, стать невидимкой. Здесь задавали мало вопросов.

Люди были осторожны. Понимали, что любопытство до добра не доведет.

Однако он часто ловил на себе косые взгляды. И не только потому, что был белым. Старый порт Занзибара издавна был пересечением дорог и торговых путей, здесь можно было увидеть людей всех рас и цветов кожи. И потом, после целого года путешествий по Африке кожа у Такера стала такой же темной, как и у любого местного торговца, предлагающего пряности на рынках старого Каменного города. Он был высок, мускулист, чем тоже привлекал внимание, но стоило любопытному заглянуть в его холодные жесткие глаза, как тотчас отворачивался.

На самом деле внимание он привлекал совсем по другой причине…

Каин потерся о его бедро – теперь он уже не рычал, но шерсть на загривке стояла дыбом. Такер потрепал пса, но не для того, чтобы успокоить его, а напоминая, что тот должен в случае чего просигналить своему напарнику об опасности. А они с ним были именно *напарниками.* Каин был как бы продолжением его самого – его носом, ушами и глазами.

Собака была компактная, но очень крепкого телосложения, немного походила на немецкую овчарку, но на самом деле принадлежала к породе бельгийских пастушьих собак малинуа. Шерсть черная, с рыжеватыми вкраплениями, но в целом все-таки черная, в тон темным глазам. Такер почувствовал, как напряглись мышцы Каина при его прикосновении.

В полквартале от них из-за угла вывернулась чья-то тощая фигура и пустилась в паническое бегство. В спешке незнакомец ударился плечом о стену дома и бросился бегом по улице, то и дело оглядываясь через плечо. Такер окинул его оценивающим взглядом, соображая, может ли ситуация представлять для него опасность.

Лет двадцать с хвостиком, а может, и двадцати еще нет, смесь азиата и индийца, глаза расширены от страха, конечности и физиономия страшно тощие. От употребления наркотиков или недоедания?

Паренек прижимал руку к правому боку; сквозь пальцы виднелось большое пятно крови, расплывшееся по белой рубашке. Должно быть, именно запах свежей крови насторожил Каина, а также топот быстро бегущих босых ног.

Такер уже приготовился выйти из тени дверного проема, оказать помощь юноше, но верный пес еще крепче прижался к нему боком и остановил этот порыв.

И ровно через секунду стало ясно, что поступил он верно. Из-за того же угла выбежала троица здоровенных мужчин. Африканцы, лица испещрены племенными насечками. В руках они держали мачете и, продолжая преследование, быстро разбежались по сторонам пустой улочки, образовав полукруг. Сразу видно, что опытные охотники.

Жертва тоже заметила их приближение. Паренек прибавил ходу и отчаянно мчался вперед, но сказывались потеря крови и усталость. Он пробежал еще несколько метров, споткнулся и распластался на мостовой. И хотя пребольно ударился о камни, не издал ни звука – ни стона, ни крика; видно, смирился со своей участью.

Не в силах видеть всего этого, Такер вышел из укрытия.

Дед еще в детстве сумел ему внушить: *Перед лицом бесчеловечных поступков добрые люди реагируют, а великие – действуют.*

И вот Такер похлопал собаку по боку тремя пальцами. Это был сигнал.

Защитить!

Каин перепрыгнул через распростертого на камнях молодого человека и бросился навстречу преследователям – хвост задран вверх, зубы оскалены, из глотки рвется грозное рычание. Внезапное появление пастушьей собаки заставило всех троих замереть в ужасе. Впечатление было такое, словно перед ними из ниоткуда материализовался сам демон.

Пользуясь тем, что собака отвлекла внимание нападавших, Такер выскользнул из тени и осторожно приблизился к одному из африканцев. Перехватил его за запястье, резко вывернул руку, нанес локтем удар в подбородок – и мачете оказалось в руке у Такера. Затем он резко оттолкнул мужчину – второй из нападавших, размахивая мачете, бросился на него. Вместо того чтобы отскочить в сторону, Такер кинулся ему навстречу, схватил за руку, в которой было зажато грозное оружие, затем нанес резкий болезненный удар по ноге и полностью обездвижил противника. А потом нанес мужчине удар в нос острием мачете.

Хрустнула кость, кровь хлынула потоком. Африканец так весь и обмяк, но Такер рывком поднял его на ноги.

Уголком глаза он видел третьего, и последнего, своего противника, самого здоровенного из всех. Заметил, как тот отступил на пару шагов и выхватил пистолет. Такер резко развернулся, используя тело африканца в качестве прикрытия, когда грянули выстрелы. Третий стрелял с близкого расстояния и не промахнулся. Одна из пуль вонзилась плененному в горло, вторая зацепила плечо Такера.

И тут раздался страшный крик.

Такер оттолкнул в сторону безжизненное тело и увидел, как Каин впился зубами в запястье стрелка. Острые клыки вонзались все глубже. Пистолет покатился по мостовой. Глаза мужчины расширились от страха, он пытался стряхнуть вцепившегося в него пса. Но пастушьи собаки обладают мертвой хваткой.

Лишь через несколько секунд громила вспомнил о своем мачете и занес его над головой собаки, готовый нанести удар.

– Фу! – скомандовал Такер.

Едва это короткое слово слетело с его губ, как Каин повиновался – разжал зубы и отпустил руку. Но африканец не остановился – снова взмахнул мачете и приготовился нанести Каину удар в шею.

Однако Такер уже спешил на выручку. С бьющимся сердцем он подхватил упавший на землю пистолет, вскинул ствол… Но тут же понял – слишком поздно!

Лезвие мачете сверкнуло в лучах солнца.

Оглушительно грянул выстрел.

Громилу так и отшвырнуло назад – пуля снесла ему полчерепа. Мачете отлетело в сторону, никому не нанеся вреда. Такер удивленно взглянул на пистолет. Выстрел прогремел не из его оружия.

На другом конце улицы возникло новое трио. Двое мужчин и женщина. Хотя одежда на них была гражданская, сразу становилось ясно – все они люди военные. Лидер, находившийся в центре группы, приподнял ствол «ЗИГ-Зауэра»[3]. Из него шел дымок.

– Займитесь им, – скомандовал он, указывая на лежащего на земле молодого человека. В голосе слышался техасский акцент. – Отвезите в местный госпиталь. Встретимся позже, в точке эвакуации.

Несмотря на проявленную о раненом заботу, командир не сводил взгляда с Такера. Смотрел ему прямо в глаза. Лицо жестко очерчено, прямые, коротко остриженные черные волосы, суровый и пристальный взгляд темно-серых глаз – все выдавало в нем военного. Скорее бывшего военного.

Да, ничего хорошего, подумал Такер.

Вот командир приблизился к нему, не обращая ни малейшего внимания на грозное рычание Каина. Протянул руку, помог Такеру подняться.

– А вас не так-то просто было найти, капитан Уэйн.

Такер старался ничем не выдавать своего удивления и протянутой руки не принял. Поднялся сам.

– Так это вы таскались за мной по пятам. С раннего утра, да?

– И вам удалось ускользнуть, – мужчина подмигнул, в холодных глазах мелькнул насмешливый огонек. – И найти вас было непросто. Что лишний раз доказывает: вы как раз тот человек, который нам нужен.

– Мне по барабану.

Такер повернулся, чтобы идти, но мужчина преградил ему путь. А потом вдруг уперся пальцем ему в грудь, что еще больше раздражило Такера.

– Погодите всего одну минуту, выслушайте, – сказал незнакомец. – А потом можете идти.

Такер покосился на палец. Он мог запросто сломать его, и останавливала его однаединственная причина – тот факт, что всего минуту назад этот человек спас жизнь Каину. А потому Уэйн его должник, и пожертвовать минутой он вполне в состоянии.

– Вы кто? – спросил Такер.

Палец стал частью протянутой для рукопожатия руки.

– Коммандер Грей Пирс. Работаю на контору под названием «Сигма».

Такер поморщился.

– Первый раз слышу. И чем же занимаетесь? Охраняете контрактников, торгашей? – Все свое презрение он вложил в это последнее слово.

Грей опустил руку, в глазах снова блеснул насмешливый огонек.

– Нет. Мы работаем на УППОНИР.

Такер нахмурился, но любопытство все же взяло свое. УППОНИР – Управление по защите научно-исследовательских проектов. Какого черта они здесь делают?

– Может, обсудим это в более спокойном месте? – предложил Грей.

К этому времени его напарники подняли раненого парня, подхватили с двух сторон и повели вниз по улице. В окнах домов начали появляться лица, кто-то высовывался из прион-

---

[3] «ЗИГ-Зауэр» – пистолет, выпускаемый одноименной швейцарско-немецкой компанией с 1981 года; разработан специально для Вооруженных сил США.

крытых дверей. На углу стали возникать какие-то подозрительные типы. Жители Занзибара не были склонны вмешиваться в уличные разборки, оставались к ним слепы и глухи, но когда гремят выстрелы и проливается кровь, любопытство все же берет свое. Стоит участникам схватки разойтись, и местные непременно отнимут у жертв все самое ценное, не обращая внимания на раны, потухшие глаза и кровь.

– Знаю одно такое местечко, – сказал Такер и зашагал по улице.

18 часов 44 минуты

Грей пил горячий чай с кардамоном. Они с Такером сидели за столиком на крыше отеля, откуда открывался потрясающий вид на Индийский океан. На волнах качались старые деревянные рыбацкие лодки, величественно проплывали огромные грузовые суда, бороздили воды блистающие великолепием туристические яхты. Небольшой ресторан в это время пустовал, они были здесь единственными посетителями.

Внизу возле здания кипела жизнь – там раскинулся рынок специй. Воздух наполняли смешанные ароматы мускатного ореха, корицы, ванили, гвоздики и множества других пряностей, некогда привлекших внимание султанов к этому острову и положивших начало активной работорговле. Остров много раз переходил из рук в руки – свидетельством тому стало уникальное смешение рас и национальных традиций – марокканских, ближневосточных, индийских и африканских. У каждого квартала было свое лицо, и как-то упорядочить, отнести их к определенной категории было невозможно.

То же самое можно было сказать и о сидевшем напротив незнакомце. Грей осторожно опустил чашку на блюдце с трещиной. Огромная жирная муха, привлеченная сладким чаем, с тяжелым жужжанием спикировала на стол и поползла к его чашке.

Грей решил прихлопнуть ее, но прежде, чем он успел это сделать, его остановили, перехватив за запястье.

– Не надо, – сказал Такер и осторожно смахнул муху, а потом снова усталым взглядом окинул синие океанские воды.

Грей потер запястье и проводил глазами муху, которая, даже не осознав, что была только что спасена от смерти, с ленивым жужжанием улетела прочь.

Такер откашлялся.

– Так чего вам от меня надобно?

Грей тут же вспомнил, что удалось узнать об этом человеке. Еще в самолете, по пути к Африканскому Рогу, он прочел досье бывшего армейского рейнджера. Такер необычайно умело обращался с собаками, показания по эмоциональному сочувствию просто зашкаливали; очевидно, именно это и помогало ему понять своих четвероногих подопечных и привязаться к ним, порой – слишком глубоко. Оценки физических данных объясняли эту способность полученной еще в детстве травмой. Вырос он в Северной Дакоте, рано осиротел (родителей убил пьяный водитель грузовика, когда сам Такер был еще младенцем). Воспитывал его дед, но в тринадцать лет Такер потерял и его (тот скончался от сердечного приступа). Воспитывать и растить мальчика пришлось государству, и он рано стал человеком самостоятельным, в семнадцать поступив на службу в армию. Столь нелегким детством и объяснялась его особая привязанность к животным, а не к людям.

И, однако же, Грей чувствовал, что за всеми этими тестовыми выкладками и психологическими характеристиками стоит нечто большее. Поведение Такера по-прежнему оставалось для него тайной. Почему он столь внезапно покинул службу, исчез сразу же после отставки, оставив мундир, сплошь увешанный наградами, в числе которых была и столь

почетная, как «Пурпурное сердце»[4] – медаль, полученная им в Афганистане за участие в кровопролитнейшей операции «Анаконда».

И вот Грей решил перейти прямо к делу:

– Во время военной службы, капитан Уэйн, вы специализировались по поиску и спасению. И ваш командир утверждает, что равных вам в этом просто не было.

Такер пожал плечами.

– Вы и ваша собака…

– Каин, – тут же перебил его Такер. – У нее есть имя. Каин.

Пес приподнял мохнатое левое ухо. Сразу сообразил, что речь идет о нем. Пастушья собака лениво разлеглась на полу и, казалось, дремала, но Грей понимал – это не так. Пес уткнулся носом в ботинок хозяина и ждал от него сигнала в любой момент. Пирс прочел и досье на Каина. Также военный профессионал, он понимал около тысячи слов, а также читал язык жестов. И эти двое были связаны тесней, чем муж и жена. Обостренное чутье собаки и ее способность проникать в места, недоступные человеку, делали эту парочку весьма эффективной на поле боя.

Как раз это и нужно было Грею.

– Есть одно задание, – сказал он. – Вам хорошо заплатят.

– Сожалею. Но всего золота Форт-Нокса[5] не хватит.

Грей был готов к подобному ответу.

– Может, и нет. Но, уходя со службы, вы прихватили с собой государственную собственность.

Глаза Такера смотрели жестко и холодно. И Грей понял – эту козырную карту следует разыгрывать с особой осторожностью. И продолжил:

– Обучение собаки для участия в военных действиях стоит сотни тысяч долларов, и на него уходит масса времени, тысячи человеко-часов. – Он даже не осмеливался взглянуть на Каина, продолжал смотреть Такеру прямо в глаза.

– Это мои человеко-часы, – тут же парировал Такер. – Я сам обучал и Каина, и Авеля. Сами знаете, что случилось с Авелем. Но только на этот раз его убил не Каин.

Грей прочел все эти жуткие подробности в досье и решил не соваться на это минное поле.

– И все равно, Каин является собственностью правительства США, боевым оружием, натренированным и опытным солдатом. Справитесь с заданием – и он ваш, навсегда. Можете идти с ним на все четыре стороны.

Такер скривил губы от отвращения.

– Никто не может обладать Каином. Ни правительство США. Ни отряд быстрого реагирования. Ни даже я.

– Понимаю. Но таково наше предложение.

Такер долго и пристально смотрел на него, затем резко откинулся на спинку стула и скрестил руки. Поза его говорила о том, что согласия он не дал, но готов слушать.

– Ладно. Так чего вы все-таки от меня хотите?

– Нужна операция по спасению и эвакуации заложника.

– Где?

– В Сомали.

– Кто заложник?

---

[4] Медаль «Пурпурное сердце» (*англ.* Purple Heart) вручают тем американским военнослужащим, кто погиб или получил ранение в результате действий противника.

[5] Военная база в штате Кентукки, на территории которой, в частности, хранится золотой запас США (ок. 4176 т).

Грей еще раз смерил взглядом своего собеседника. Подробности, которые он собирался сообщить, были известны лишь самому узкому кругу лиц в правительстве. Он сам был шокирован, узнав правду. Если до схвативших ее преступников дойдет хотя бы одно слово…

– Так кто? – настаивал Такер.

Очевидно, Каин ощутил охватившее хозяина возбуждение и издал приглушенный вопросительный рык.

И Грей ответил им обоим:

– Вы должны помочь нам спасти дочь президента.

Глава 3

1 июля, 11 часов 55 минут по восточному поясному времени Вашингтон, округ Колумбия

Вот теперь и должна была начаться настоящая работа.

Директор Пейнтер Кроу, находившийся на первом этаже западного крыла здания, ждал, когда освободится зал для обсуждения чрезвычайных ситуаций. Весь этот процесс был тщательно отрепетирован и наглядно демонстрировал расстановку сил во властных структурах. Кто выходил первым, кто первым с кем прощался, кто покидал помещение в полном одиночестве, а кто – в группе.

От всего этого у него начинала кружиться голова.

Пейнтер только что провел здесь трехчасовое совещание в самом узком кругу советников Белого дома. Чиновники, занимавшие наивысшие посты в государственных структурах, разместились в кожаных креслах вокруг стола; здесь был глава администрации Белого дома, советник по национальной безопасности, директор ФБР, министр обороны, а также еще несколько важных персон. Совещание было закрытым – ни помощников, ни парламентариев, ни секретарей, только верхушка. Не разрешили присутствовать даже специальной и круглосуточной службе охраны Белого дома.

И обсуждаемые здесь секреты знали теперь единицы.

В начале заседания Пейнтера представили директором УППОНИР, что вызвало удивление, и даже министр обороны приподнял кустистые седые брови. Пейнтер в своем консервативном костюме был лет на десять моложе каждого из присутствующих; в темных волосах проблескивала лишь одна седая прядь – она была заправлена за ухо, точно перо у индейца, что, очевидно, было призвано подчеркнуть его смешанное происхождение. Среди его предков были коренные жители американского континента.

Однако никто не спросил, по какой такой причине Пейнтера вызвали на это закрытое заседание. Лишь немногие из присутствующих знали о существовании такой организации, как «Сигма», и при чем она здесь вообще.

Но так захотел президент.

И вот Пейнтер молча сидит в одном из низеньких кресел, чуть в стороне от круглого стола, наблюдает, делает какие-то заметки – и про себя, в уме, и в своем лэптопе.

Президент Джеймс Т. Гант собрал всех этих людей утром в связи с похищением своей двадцатипятилетней дочери Аманды Гант-Беннет. С момента ночного нападения на ее яхту прошло двадцать часов. Капитан яхты каким-то образом умудрился отправить сообщение SOS по радио и даже заглушить моторы перед тем, как разбойники ворвались на судно и перебили всех находившихся на борту, в том числе – мужа Аманды. Страшные последствия этого нападения демонстрировались на нескольких видеопанелях, развешанных в зале.

Пока мелькал калейдоскоп этих удручающих картин, Пейнтер изучал выражение лица президента. Заметил, как нервно подергивается у него уголок глаза, как напряжены мышцы шеи, как бледно лицо. И реакция показалась ему вполне искренней – нормальный страх отца, потерявшего дочь.

Но некоторые детали казались весьма странными.

К примеру: зачем это его дочери понадобилось путешествовать по поддельному паспорту?

Один этот факт стоил им недешево, отнял несколько критических в подобной ситуации часов и помешал безотлагательно начать поиски женщины. На сигнал бедствия, посланный по радио, среагировала береговая охрана Сейшельских островов; она же затем сообщила о нападении пиратов на американских граждан. Но лишь после того, как из каюты были взяты отпечатки пальцев, в Штатах забили тревогу. Ведь жертвы были идентифицированы и оказались дочерью и зятем американского президента.

Они потеряли драгоценные часы из-за этого недоразумения.

И теперь дочь президента могла потерять жизнь.

Джеймс Т. Гант стоял в дверях зала заседаний и обменивался рукопожатием с каждым из выходивших. Порой это рукопожатие сопровождалось дружеским хлопком по плечу.

– Спасибо, Бобби, за то, что выкручивал руки НУВКР[6] и заставил этот спутник двигаться быстрей.

«Бобби», он же Роберт Ли Гант, был госсекретарем и доводился президенту старшим братом. Это был гладко выбритый седовласый господин с зеленовато-карими глазами и величественными манерами. Ему недавно исполнилось шестьдесят шесть. Никто не задавался вопросом, честно ли он заслужил свою должность, даже представители оппозиционной партии не стали критиковать и подвергать сомнению это назначение. Роберт Гант пережил уже три администрации и оказывался при этом по обе стороны политического водораздела. В конце восьмидесятых он служил послом в Лаосе, в девяностые заслужил репутацию родоначальника дипломатических отношений с Камбоджей и Вьетнамом. А теперь с равным старанием служил своему младшему брату.

– Не беспокойся, Джимми. У НУВКР имеется спутник, вращение которого уже через час можно синхронизировать с околоземной орбитой, и он покажет нам все, что творится вдоль береговой линии Сомали. До мельчайшего камешка на земле. Мы ее найдем.

Президент кивнул, однако Пейнтеру показалось, что заверения брата его не слишком обнадежили.

Госсекретарь удалился, и Кроу оказался наедине с лидером свободного мира. Президент провел ладонью по темным волосам с проседью, затем потер подбородок – на нем выступила тонкая щетина. Он не спал с того момента, когда ужасное известие обрушилось на него. Даже не переодевался, лишь расстегнул пуговки жилета и закатал рукава рубашки. Какое-то время он стоял неподвижно, выпрямив спину, целиком погруженный в свои мысли, затем ссутулился и указал на какую-то дверь.

– Давайте сменим обстановку, уйдем из этого шалаша, – сказал он. Такое прозвище заслужил зал заседаний по чрезвычайным ситуациям. Стоило важным персонам удалиться, и в голосе его прорезался тягучий каролинский акцент. – Мой кабинет для совещаний тут, рядом.

Пейнтер проследовал за ним в небольшую комнату. И здесь тоже имелся стол, но гораздо меньших размеров, и придвинут он был к стене с двумя видеоэкранами.

Президент с тяжким вздохом, точно нес на своих плечах груз всего мира, опустился в одно из кресел. В каком-то смысле, подумал Пейнтер, так оно и есть. Вот только день для него выдался крайне неудачный.

– Присаживайтесь, директор.

– Спасибо, господин президент.

– Можете называть меня Джимми. Все друзья так меня называют. И в данный момент вы мой *лучший* друг. Потому как только у вас есть шанс найти мою дочь и внука.

---

[6] НУВКР – Национальное управление воздушно-космической разведки (также УНР, Управление национальной разведки, *англ.* National Reconnaissance Office), создано в США в 1961 г.

Пейнтер сел, осторожно и медленно, точно и на его плечи начал давить почти невыносимый груз ответственности. Еще одно тревожное обстоятельство. Оказывается, Аманда беременна. На позднем сроке.

Но зачем тогда она отправилась на Сейшелы, да еще с фальшивым паспортом?

Президент устремил на него взгляд прозрачно-голубых глаз. А затем произнес с особой теплотой в голосе:

– Некогда «Сигма» спасла мне жизнь.

Так оно и было. Одна из причин, по которой президент пригласил Пейнтера участвовать в поисках.

– Мне нужно еще одно чудо, директор.

По крайней мере, этот человек понимает всю сложность ситуации. Впрочем, пока что сомалийские пираты не знают, кого похитили. Приняли Аманду за очередную заложницу-американку. Но стоит пиратам узнать, кто она такая, они могут запаниковать и убить ее, бросить тело в реку, кишащую крокодилами, и умыть руки. Или же спрячут ее так хорошо, заживо похоронят в какой-нибудь богом забытой дыре, что все надежды найти ее пойдут прахом. И рассчитывать тут можно разве что на обещание огромного выкупа, да и то еще не факт, что, получив деньги, они ее не убьют. Сегодня директор ФБР выдвинул еще одно леденящее душу предположение: Аманду могут продать какому-нибудь враждебному режиму и использовать для получения экономических выгод от США.

Так что цель ясна. *Необходимо найти Аманду до того, как пираты узнают, кто она на самом деле.*

– Ну, каковы впечатления от заседания? – спросил президент.

– В целом ваша команда верно оценивает ситуацию. Я придерживаюсь того же мнения. Следует перебросить отряд быстрого реагирования в этот регион, готовый по приказу нанести молниеносный удар. Следует скоординировать действия с агентами ЦРУ, действующими по всему Африканскому Рогу. Но до тех пор, пока не получим полной картины береговой линии Сомали от спутника, мы слепы.

Сопоставив время предполагаемой атаки с прохождением спутников над этой частью Индийского океана, они получили картинку с места происшествия. Разрешение было слабым, однако все же удалось разглядеть яхту и атаковавшее ее судно. После нападения пираты устремились на восток, к берегам Африки. Но к несчастью, через час судно вышло из пределов видимости спутника, так что точное место высадки было неизвестно. Они могли причалить в любом месте восточного побережья, но Сомали – страна, превратившаяся в настоящее пиратское гнездо, – казалась предпочтительнее. На новый спутник, принадлежавший НУВКР, была передана команда, и он начал поиски судна, затерявшегося где-то у скалистых берегов. Однако надежды на него было не так уж и много.

Пейнтер тем временем продолжил:

– Нам нужны там свои люди, сэр. Пленную надо отбить, провести умелую и точную хирургическую операцию. И наши шансы резко возрастут, если там совершит высадку небольшой десант, группа из специально подготовленных бойцов.

– Понял. Но если мы поднимем там шум, устроим крутую заварушку, они могут догадаться, что заложница у них непростая.

– Да, и тогда они ее убьют, – Пейнтер тут же пожалел, что эти слова сорвались с его губ.

Лицо Джеймса Ганта стало пепельно-серым, но он взмахом руки попросил Пейнтера продолжить.

– Команда, о которой я говорю, уже направляется в этот регион. Я продолжаю координировать их действия с Агентством национальной безопасности, НУВКР и моими супервайзерами из УППОНИР. Если местоположение пиратов будет обнаружено, мои люди получат четкие инструкции и начнут операцию по вызволению заложницы. Но лишь в том случае,

если гарантирован успех. Если нет, мы передадим эти координаты и задействуем команду быстрого реагирования из «морских котиков»[7].

Хмурый кивок означал, что его план одобрен.

Пейнтер откашлялся:

– Похитители наверняка увезут вашу дочь куда-нибудь в безопасное место, затем станут ее допрашивать. И прежде всего потребуют назвать номер телефона, по которому будут звонить и выдвигать свои требования. Если ваша дочь умна…

– Так и есть.

– Тогда она сохранит свое настоящее имя в тайне. Надеюсь, что она назовет им какой-нибудь номер, не связанный с президентским кругом. Ну, может, кого-то из родственников или близких друзей. И мы должны быть к этому готовы. И заранее уверены, что человек, которому она позвонит, в состоянии держать язык за зубами, что он не пойдет в полицию и не обратится к прессе.

– Я позабочусь об этом.

И тогда Пейнтер спросил его напрямую:

– Вы можете доверять в этом плане своим родственникам?

– Они не проболтаются. Клан Гантов умеет хранить тайны.

Уж это определенно было правдой.

На протяжении всего последнего месяца Пейнтер втайне проводил небольшое исследование, связанное с семейством Гантов. Во время проведения последней операции «Сигмы» всплыла информация, вызывающая подозрения. И то были не слухи и сплетни, обычно сопутствующие людям при власти и их династии. Гантов прозвали «Кеннеди с Юга», они вели свое происхождение от первых поселенцев, со дня основания Америки. И с ростом страны росла и поднималась их семья, все глубже пускала корни, завладевала все новыми промышленными предприятиями, корпорациями, активно внедрялась в конгресс и сенат, и вот теперь шел уже второй срок президентства Джеймса Т. Ганта.

Но в прошлом месяце достоянием общественности стала весьма тревожная информация об этой династии с Юга. Выяснилось, что будто бы несколько веков тому назад этот клан был связан с тайной организацией, куда входили члены старых аристократических семей. У организации было несколько названий: «Гильдия», «Эшелон», еще их называли familles de l’etoile, или «звездными семьями». О группе этой доподлинно известно было одно: она сыграла значительную роль в мировой истории, манипулировала людьми и событиями, укрепляла свою власть, умножала богатство, обретала все новые знания, и все это достигалось зачастую благодаря связям с целым рядом тайных организаций, братств и братских масонских лож.

Поговаривали, будто то была самая тайная из всех тайных организаций.

Но время обошлось с ними жестоко, связанные кровными узами родственники постепенно вымирали, и в конце концов все свелось к одной-единственной фамильной линии – клану Гантов.

Тем не менее все это вовсе не означало, что президент – или самая близкая его родня – знал о существовании этой организации. Фамильное древо Гантов уходило корнями и ветвями вглубь и вширь в самых разных точках земного шара. И невозможно было понять, кто из членов семьи является современной инкарнацией этой преступной организации – если таковое вообще возможно.

Все это могло закончиться сумасшедшей погоней за фантомами, поскольку имена лидеров «Гильдии» по-прежнему оставались неизвестными, и они наверняка ускользнули

[7] «Морские котики» – подразделение специальных операций ВМС США, предназначенное для ведения разведки и диверсионных операций на морском и речном побережьях и в портах.

бы от преследования. Точно известно было одно: именно эта группа оставалась смертельно опасной, могущественной и ответственной за бесчисленные акты терроризма, глобальные проявления жестокости и множество преступлений на международном уровне. Казалось невозможным, невероятным, что президент, человек, сидевший перед ним и глубоко переживающий за судьбу дочери, мог входить в эту организацию.

Отсутствие каких-либо бесспорных доказательств – вот одна из причин, по которой Пейнтер оставил все эти подозрения при себе, ни с кем не поделился этой информацией, даже со своими товарищами, оперативниками из «Сигмы». Даже с коммандером Греем Пирсом, чья мать была недавно убита агентом из «Гильдии». Если бы Пирс узнал, что президент мог иметь отношение к этому жестокому и хладнокровному убийству, он бы ни за что не пошел на задание. Грей принадлежал к разряду людей, которые сперва стреляют, а уже потом задают вопросы.

Так что вопросы пришлось задавать Пейнтеру. Он поднял глаза на Джеймса Ганта.

– Не хочу показаться неделикатным, – начал он, – но до сих пор не пойму, зачем это ваша беременная дочь отправилась на Сейшельские острова. И почему путешествовала по поддельным документам?

Во всей этой ситуации было что-то *не так.* Пейнтер же продолжал настаивать на ответе, понимая, что лучшего шанса узнать побольше о семье президента, «первой семье Америки», ему может и не выпасть.

– Вы что-то недоговариваете, господин президент? Что-то утаиваете? Но поймите – любая, даже мизерная деталь может сыграть свою роль в успехе или провале операции.

На этот раз он сознательно пренебрег расхожим выражением «вопрос жизни или смерти».

Джеймс Гант смотрел на свои руки, точно пытался прочесть судьбу по линиям на ладони.

– Аманда всегда была упрямым и непослушным ребенком, – он грустно улыбнулся Пейнтеру. – Унаследовала эту черту от отца. Ей было девятнадцать… нет, даже чуть меньше, когда я впервые вошел в Белый дом и начался первый срок моего президентства. Она ненавидела шумиху и суету, свет рамп, охрану, репортеров и прочее. Ей не хотелось быть дочерью президента.

– Помню, как однажды она врезала агенту спецслужб.

Гант засмеялся, откинулся на спинку кресла, а потом прикрыл ладонью рот, точно стыдясь того, что может еще смеяться.

– Да, это Аманда. Когда я заступил на второй срок, ей было двадцать три, она уже окончила колледж и стремилась к самостоятельной жизни. Решила выйти из моей тени, так сказать. Ну, и затем познакомилась с Маком Беннетом, офицером полиции из Чарльстона. Они поженились, и я считал, что хоть теперь она немного успокоится.

Пейнтер деликатно направил разговор в нужное ему русло:

– Ну а потом вдруг это путешествие на Сейшелы…

Гант вскинул руки и покачал головой.

– Даже секретные службы не знали об этом путешествии. Ей удалось ускользнуть незамеченной прямо у них из-под носа. Я ничего не знаю; могу лишь догадываться, что перед тем, как родится ребенок, ей хотелось провести какое-то время наедине с мужем, вдали от всех этих папарацци и таблоидов. Этой паре всегда так не хватало уединения.

Пейнтер внимательно следил за выражением лица президента, выискивая хотя бы намек на то, что он говорит неправду или утаивает что-то. Но видел перед собой лишь человека, снедаемого тревогой и горем.

– Если это все… – начал Гант.

Пейнтер поднялся.

– Что ж, я получил все нужные мне сведения. Моя команда направилась в Сомали, и мне надо вернуться в контору, чтобы координировать их действия.

– Хорошо. – Гант поднялся из кресла. Спокойный и благовоспитанный, как и подобает джентльмену с Юга. – Позвольте мне проводить вас.

Они вышли из кабинета и двинулись по коридору. И задержались всего на секунду, чтобы Пейнтер смог забрать свой сотовый телефон «Блэкберри» из металлической коробки на входе в зал заседаний по обсуждению чрезвычайных ситуаций. Едва успел он выпрямиться и сунуть мобильник в карман, как в дальнем конце коридора возникла знакомая фигура в сопровождении телохранителей.

На женщине было сапфирового цвета платье из саржи, поверх накинут кардиган из кружев, плотно прилегающий к талии. Пейнтер заметил, что руки ее сжаты в кулаки; заметил он и испуг, промелькнувший в глазах первой леди, когда она увидела мужа.

Тереза Гант подбежала к нему, пытаясь соблюдать приличия и побороть панику.

– Джимми… только что узнала от твоего секретаря, что заседание закончилось. Я ждала, что как только…

– Прости, Терри. – Президент обнял жену за плечи, заправил выбившуюся из прически прядь светлых волос ей за ухо. – Мне нужно прояснить еще несколько вопросов. Как только закончу, сразу приду к тебе.

Она напряженно всматривалась ему в лицо в надежде узнать хоть какие-то новости и одновременно опасаясь задавать вопросы в присутствии телохранителей. Никто из них не знал об ужасном происшествии с Амандой.

– Ступай в резиденцию, дорогая. – Впечатление складывалось такое, будто президент был готов подхватить жену на руки и отнести куда-нибудь в безопасное место. – Там все тебе и расскажу.

Гант выразительно покосился на Пейнтера. Тот его понял. Терезе было необходимо побыть наедине с мужем. В этот момент то были не президент и его первая леди. То были родители, сходившие с ума от страха за свое дитя, стремившиеся найти хоть какое-то утешение в объятиях друг друга.

И Пейнтер оставил их. Его намерение во что бы то ни стало найти дочь президента лишь окрепло. Однако, шагая по коридору, он никак не мог избавиться от неприятного ощущения, что за событиями на Африканском Роге стоит нечто большее и страшно опасное.

Он взглянул на часы. Грей и его команда приземлятся в Сомали уже через час. Если кто и способен выяснить причину, стоявшую за похищением молодой женщины, так только коммандер Пирс. И Пейнтер на мгновение испытал чувство вины – за то, что направил туда Грея вслепую, не сказал ни слова о подозрениях, которые вызывала президентская семья.

Оставалось лишь молиться о том, чтобы это молчание не стоило жизни его ребятам. А также жизни дочери президента и ее еще не рожденного дитя.

Глава 4

1 июля, 20 часов 02 минуты по восточноафриканскому времени Горы Кал-Маду, Сомали

Машина продолжала медленно ползти под сводами затянутого туманной дымкой тропического леса.

Аманду Гант-Беннет разместили на заднем сиденье старого «Лендровера». Он был модифицирован для сафари, верх снят, чтобы не мешать туристам вести стрельбу. Переднюю часть защищала массивная решетка бампера, на остове крыши были закреплены четыре мощных прожектора. Она также заметила две лебедки – спереди и сзади – и топор с лопатой; они крепились к одному крылу и, видимо, были предназначены для расчистки дороги, если машина вдруг застрянет.

Необходимость всех этих модификаций вскоре стала понятна при виде территории, по которой они проезжали. Дорога вилась в темных джунглях, в глубоких колеях стояла вода. Вообще в Сомали чаще страдали от засух, но совсем недавно закончился сезон дождей – местные называли его «гу», – это Аманда поняла из разговора. И не успевшие выпасть в виде дождя осадки превратились в густой туман.

Вот машина резко подпрыгнула на кочке. Ее так и подбросило вверх, но вылететь из нее не дал ремень безопасности. А изначально Аманда ждала именно такого момента – хотела выпрыгнуть из машины и попробовать спастись, оказавшись в густых зарослях. Но рядом с ней сидел страж, крепкий, широкоплечий, вооруженный и сильно потеющий парень. Он непрерывно жевал кхат, местный стимулятор, который здесь использовали почти все поголовно. Следом за ними двигался второй автомобиль, побольше, так что шансов бежать не было никаких.

И потом, Аманда прекрасно понимала, что любая такая попытка сопряжена с риском для жизни.

Женщина сместила ремень безопасности пониже, чтобы не давил так сильно на живот. Она защищала свое дитя. Младенец, мальчик, растущий в ее утробе, был для нее куда важнее собственного благополучия. И оправдывал причину, по которой они с мужем совершили этот перелет на другой конец света.

Чтобы ты был в безопасности…

И вот теперь ее младенец оказался во власти людей враждебных, стал инструментом для получения пиратами огромного выкупа. Аманде вспомнилось, с какой злобой косился на ее живот тот британец в белом. Жизнь здесь легко продавалась и покупалась, даже новая жизнь, еще не появившаяся на свет.

О, Мак, как же мне тебя не хватает!

Аманда закрыла глаза; сердце сжималось при воспоминаниях о муже, о любви и страхе, светившихся в его глазах. Она отказывалась думать и вспоминать о последних страшных секундах его жизни, о том, как отрубленную голову Мака швырнули на кровать, где они всего за несколько часов до этого осторожно и нежно занимались любовью. Нет, теперь не время оплакивать мужа.

Пытаясь успокоиться, она глубоко втянула воздух и ощутила влажное сладковатое благоухание можжевельника и дикой лаванды. Нет, ей надо оставаться сильной, несмотря на скорбь и страх. У южан не принято показывать страх на людях. Аманда вспомнила, как помо-

гала отцу проводить предвыборную кампанию. Она научилась сохранять невозмутимое и дружелюбное выражение лица, несмотря на то что внутри ее все так и кипело от возмущения. Нет, ничего подобного, лишь улыбки, рукопожатия и дружеские хлопки по плечу. Даже с врагами… *в особенности* с врагами.

И Аманда продолжила налаживать отношения со своими похитителями. Танцуй, когда велят танцевать, будь послушной и приветливой. И наблюдай, внимательно наблюдай за всем. Так учил ее отец. Казалось, до сих пор в голове ее звучат эти слова, призванные объяснить, как взять верх над врагом.

Держи глаза открытыми, а рот – на замке.

Именно так Аманда и намеревалась себя вести. Пока что пираты, судя по всему, не догадываются, что она – дочь президента. Да они вообще ни разу ни о чем ее не спросили. И словом с ней не обмолвились. Если не считать нескольких жестов, ворчанья и приказаний, выкрикиваемых жесткими голосами. И то все они в основном сводились к советам пить побольше воды.

Мы не хотим, чтобы с твоим ребенком что-то случилось.

Приказы исходили от мужчины на переднем пассажирском сиденье, того самого британца с тонкими усиками и в безупречно белом костюме. Лишь один он постоянно находился рядом с ней, хотя большую часть дня даже не смотрел в ее сторону, сидел, склонившись над ноутбуком, подключенным к спутниковому телефону и навигатору джи-пи-эс.

Аманда изучала его затылок, пыталась сообразить, кто он такой, старалась вычислить его слабые стороны. Вот он постучал по клавишам, и на мониторе возникла топографическая карта. Женщина слегка сместилась на сиденье, вытянула шею, напрягла зрение и всем телом подалась вперед, пытаясь разглядеть на экране, куда именно они сейчас направляются. Но охранник толчком вернул ее на прежнее место. И ладонь его на мгновение застыла над нежной и разбухшей ее грудью. Аманда шлепнула его по руке, в ответ на что он плотоядно оскалил в улыбке зубы.

Ей стало противно, она отвернулась и снова стала смотреть на лес.

От страха и изнеможения казалось, что день этот тянется вечно, что все вокруг словно в тумане. На рассвете они проезжали через небольшой приморский городок, где было множество баров, отелей, ресторанов и публичных домов – все они работали исключительно на пиратов. Вдоль недавно заасфальтированных улиц и недостроенных вилл выстроились ряды дорогих автомобилей – свидетельство того, что пиратский бизнес процветает. Чтобы защитить этот бизнес, по улицам раскатывали в «Мерседесах» и дорогих внедорожниках местные полицейские, стекла окон опущены, из машин торчат стволы. Эти типы были готовы пресечь любую попытку освободить заложников.

Таких же, как она.

Когда их лодка вошла в порт, Аманда увидела множество похищенных судов. Здесь были рыболовецкие лодки, парусники, изящных очертаний яхта, а чуть в стороне, где глубина была побольше, стоял на якоре нефтеналивной танкер. Впрочем, в этом городке они пробыли не больше часа. Ее передали другой группе пиратов, и все они разместились в старом автобусе «Фольксваген», где не работал кондиционер и было страшно душно, и выехали из города.

Полдня они двигались по открытой местности. Земля была сухой и растрескалась от безжалостных лучей солнца, монотонный пейзаж изредка оживляли небольшие деревеньки из хижин. Останавливались ненадолго, когда Аманде надо было помочиться, и всякий раз при этом она испытывала страшное унижение. В отдалении на горизонте виднелись горы, становились все выше с каждой милей.

И вот вскоре стало ясно, что эти горные вершины и есть цель их маршрута. Доехали до деревни, примостившейся на склонах, густо поросших кустарником. Там команда снова

поменялась, причем не обошлось без скандала и каких-то непонятных споров, люди потрясали оружием и громко выкрикивали угрозы. Британец положил всему этому конец, решив произвести доплату. Толстые пачки купюр переходили из рук в руки, и вот вскоре Аманда оказалась в старом внедорожнике для сафари, и машина устремилась по узкой дороге, ведущей в горы.

Внимание ее привлек металлический щелчок. Это британец закрыл свой лэптоп. Причина вскоре стала ясна. Впереди, в просвете между деревьями, возникло красноватое свечение, огонь окрашивал клочья тумана над темными джунглями в желтовато-алый оттенок. И Аманда уловила запах жареного мяса и древесного дыма.

Преодолев последние пятьдесят ярдов, машина оказалась на вырубке среди джунглей. Вверху была натянута камуфляжная сетка, укрывающая лагерь от посторонних глаз, что придавало месту сходство с птичьим вольером. На площадке горели три костра, вместе с несколькими электрическими лампочками на столбах освещали этот затерявшийся в джунглях пятачок.

«Лендровер» подкатил и припарковался рядом с несколькими другими машинами. Три верблюда, привязанных поблизости на ночь к столбам, лениво повернули головы и оглядели прибывших.

Аманда пыталась понять, для чего предназначен этот лагерь. Аккуратным полукругом выстроились палатки армейского образца; они окружали более крупное строение, картинно возвышающееся на сваях высотой в ярд. Напротив входа в него, на деревянном помосте, стояли два шезлонга, затянутые москитной сеткой. Все это походило на дом в джунглях какого-нибудь африканского миссионера. Словно для того, чтобы подчеркнуть это сходство, одну из сторон строения украшал большой кроваво-красный крест.

Но как только машина остановилась, впечатление это развеялось. На самом деле большое строение оказалось разборной передвижной палаткой, на деревянные рамы был натянут белый брезент. Красный же крест оказался не религиозным атрибутом, а скорее медицинским – в точности походил на символ одноименной международной организации. Только по всей его длине были вырезаны какие-то странные символы, и этот извилистый плотный рисунок показался Аманде отдаленно знакомым, напомнил что-то.

Но не успела она понять, что именно, британец распахнул дверцу машины и подал ей руку, помогая выйти.

– Дом, милый дом, – произнес он без всякого сарказма в голосе.

Она неуклюже вышла, поддерживая одной рукой живот, и огляделась. Где-то постукивал дизельный генератор, словно пародируя тревожное биение ее сердца.

Из палаток вылезли мужчины и женщины – поглазеть на новоприбывших. По большей части то были черные, африканцы, однако на истощенных, с загнанным взглядом пиратов ничуть не походили. Даже их оружие было современным и в хорошем состоянии.

Что же здесь происходит?

Были здесь и другие лица, под стать британцу: белые, европейцы, сразу видно, что профессионалы. О последнем говорила одежда – фирменные голубые халаты и брюки, на ногах бахилы; они словно вышли из современного госпиталя на перекур.

Британец провел Аманду мимо палаток к строению под тентом, следом тащился охранник. Она поднялась по ступенькам на небольшое крыльцо.

Он распахнул перед ней дверь на петлях. Едва они переступили порог, как к ним присоединилась высокая женщина; ее светлые прямые волосы были собраны в тугой пучок, как у спортсменки. Молодая, цветущая, казалось, она только что сменила купальник на форму хирурга. И выражение лица у нее было серьезное, особенно строго смотрели прищуренные глаза. Она одарила каждого ледяным взглядом голубых глаз. Казалось, женщина едва заметила Аманду и смотрела теперь только на британца.

– Все готово, доктор Блейк.

Аманда удивленно обернулась на британца.

Доктор?..

Тот перехватил этот ее взгляд.

– Прошу прощения. Я так и не представился. – Он протянул ей руку. – Доктор Эдвард Блейк. Акушерство и гинекология.

Руку ему Аманда пожимать не стала. Вместо этого уставилась за плечо блондинки. В дальнем конце помещения, у самой стены стояла больничная кровать. Рядом с ней – капельница и монитор, на котором фиксировалось состояние больного. По другую сторону от кровати было установлено оборудование для ультразвукового обследования беременных.

Доктор Блейк, судя по всему, ничуть не обиделся, что Аманда отказалась пожать ему руку. Вместо этого довольным жестом потер ладони.

– Что ж, миссис Гант-Беннет. Добро пожаловать на обследование.

Аманде удалось скрыть удивление при упоминании своего имени.

Так он знает, кто я…

Доктор Блейк указал на приборы.

– Мы должны проверить, каково состояние вашего малыша, вашего мальчика, после столь долгого путешествия. Мы же не можем допустить, чтобы с ним что-то случилось, верно? Он слишком важен… для всех нас.

Аманда в ужасе отшатнулась, ее худшие ночные кошмары становились явью.

Он не только знал, кто она; он знал пол младенца, которого она носила во чреве.

– Нет…

Но крепкие руки схватили ее за плечи и стали подталкивать к ширме.

Пожалуйста, – взмолилась она про себя. – *Пожалуйста, кто-нибудь, помогите!..*

Глава 5

1 июля, 20 часов 34 минуты по восточноафриканскому времени Босасо, Сомали

– Они очень хорошо о ней заботятся, – заверил Амур Махди. – По крайней мере, сейчас.

– Откуда ты знаешь? – спросил Грей.

В глазах Сейхан тоже светилось сомнение. Одета сегодня она была эффектно – в джинсы и гунтино[8], кусок ярко-алой ткани, завязанный узлом на одном плече и свободно спадающий до талии. Должно быть, сработало, потому как Амур то и дело восторженно косился на нее.

Сидевшей рядом с ней Ковальски, одетый просто, пил чай, и, казалось, происходящее не интересовало его вовсе.

Четверка эта разместилась за столиком в ресторане с видом на сомалийский порт Босасо. Отсюда был хорошо виден Аденский пролив, освещенная луной гавань, где скопились крупные суда под флагами различных арабских государств, а также мелькали выдолбленные из цельного куска дерева маленькие рыбацкие лодки с треугольными парусами.

Всего сорок минут тому назад команда Грея приземлилась в международном аэропорту Бендер Квассим, что находился неподалеку от Босасо. Путешествовали они под видом сотрудников Агентства по делам беженцев при ООН. У этой организации было свое постоянное представительство в Пунтленде, северо-восточном штате Сомали. Только там соблюдались хоть какие-то законы; на большей же части этой страны царило полное беззаконие и правили пираты. Босасо являлся одним из крупнейших портов в этом регионе, здесь пересекались многие торговые пути – лучших условий для проведения разведывательных действий просто не придумаешь.

Первым делом они встретись с Амуром Махди – бывшим пиратом, ставшим осведомителем ЦРУ. Это был пожилой мужчина в национальной одежде – просторных шароварах и юбке, напоминающей саронг; этот наряд называли здесь макавис. Засаленные волосы прикрывала традиционная вышитая шапочка. Несколько лет тому назад Амур потерял ногу – ее пришлось отрезать до колена, – а потому уже не годился для активной пиратской деятельности.

Этот обрубок вместо ноги напомнил Грею об отце – тот ведь тоже теперь калека. И его на миг охватило чувство вины перед человеком, находившимся сейчас в другом полушарии. Но он быстро подавил его и продолжил разговор.

Встречу эту организовал директор Кроу, по своим каналам, через разведку. Целью встречи была оценка ситуации в Сомали. Пока все остальные службы сосредоточились на поисках пиратского судна с помощью спутников, Пейнтеру нужны были свои глаза и уши на земле.

Одновременно на одной из северных баз США два «Черных ястреба»[9] ждали команды на вылет в Восточную Африку. И команда «морских котиков» была готова броситься на выручку Аманде, как только ее местонахождение будет точно установлено.

Но где находится дочь президента?

---

[8] Национальная одежда сомалийских женщин.

[9] Американский многоцелевой вертолет «Сикорский UH-60 «Блэк Хоук».

Амур объяснил, почему считает, что заложница в безопасности. Он, разумеется, не знал, что жертва – дочь президента, знал только, что это какая-то американка.

– В большинстве случаев сомалийские пираты обращаются с заложниками хорошо. Избивают редко, хотя такое иногда случается. А в остальном их гости в полной безопасности, и кормят их отлично. Потому как им нет никакого проку от того, если вдруг заложник помрет. На хорошем обращении с пленными держится вся экономика Пунтленда[10].

Грей знал, насколько выгоден этот бизнес, пиратство. Всего за один прошлый год сомалийские пираты заработали около ста шестидесяти миллионов долларов. И это было лишь каплей в море в сравнении с расходами по борьбе с пиратством в регионе. Судовладельцы и правительства потратили за то же время 7 миллиардов долларов – это не считая дополнительных расходов по страховым выплатам, на укрепление безопасности, на спецоперации по вызволению заложников. Один такой случай имел место совсем недавно – удалось освободить и вернуть двух граждан Америки и Дании.

– Ну а что же сомалийское правительство? – спросила Сейхан. – Они предпринимают хоть какие-то меры по борьбе с пиратством?

Амур откинулся на спинку кресла и скорбно воздел руки к небу.

– Сомалийское правительство? Настоящее законное правительство пало здесь еще в 1991 году, что ввергло страну в настоящий хаос. Никто не патрулирует территориальные воды, богатые тунцом моря наводнили иностранные рыболовецкие суда. Идет настоящий грабеж, они лишают пищи и жизни местное население. А потому неудивительно, что наши рыбаки вооружились, организовали боевые отряды и дают отпор нелегальным судам и их командам.

Грей читал все эти отчеты в самолете по пути в Сомали.

– Ну, и все это противостояние привело к тому, что рыбаки стали конфисковывать иностранные суда вместе с командами и требовать за них выкуп, так?

– Скорее пошлины, – поправил его Амур.

Ковальски насмешливо фыркнул. Информатор покраснел, спина его напряглась, гордыня была уязвлена. Грей вспомнил старое высказывание: «Тот, кто стал пиратом, навеки им и останется».

– Но мы же заслуживаем какой-то компенсации за ограбление наших морей, – продолжил Амур. – А кто еще о нас позаботится? Вы посмотрите на этот порт, – он кивнул в сторону оживленной гавани. – Это место превратилось в сущий ад – ни инфраструктуры, ни надежды, все распадается…

Ковальски скептически приподнял бровь и окинул взглядом пыльные улицы города. Выражение «ад» больше подходило к ним.

– После падения правительства, – продолжил Амур, – мы сами должны заботиться друг о друге. Местные бизнесмены наладили телефонную связь. Учителя работают бесплатно. В полиции служат только волонтеры. И теперь мы стали самым процветающим регионом страны. В городе настоящий бум, как это принято говорить у вас. Мы десятками тонн экспортируем в страны арабского мира коз, овец и верблюдов.

Ковальски снова скептически приподнял бровь. Грей понимал его, глядя на кипучую деятельность, заметную даже в ночном городе. Кругом за высокими стенами поднимались дворцы и особняки. И он полагал, что весь этот рост обеспечен вовсе не экспортом и импортом Босасо.

Грей где-то читал, что этот город превратился в настоящий рассадник киднеппинга. Невелика честь. Хотя местное правительство пыталось изменить ситуацию. Тюрьмы были

[10] Самопровозглашенное Сомалийское Государство Пунтленд, автономный район в восточной части Сомали; рассадник морского пиратства.

под завязку набиты пиратами, но на их место приходили новые. Пиратство оставалось главным бизнесом, двигателем всей экономики Пунтленда.

Так как же в таких условиях им найти путь и способ освобождения дочери президента? Где и как ее искать? Деньги – вот что развязывает языки, как это было в случае с Амуром Махди. Но с помощью тех же денег можно купить и молчание.

– И вот теперь рыба возвращается в наши воды, – точно оправдываясь, заметил Амур. – Потому как иностранные суда боятся приближаться к нашим берегам. И в наших морях снова полно тунца, и наш народ больше не голодает.

Грею пришлось признать, что это правда. Пиратство в Сомали стало положительным фактором в размножении в территориальных водах рыбы. Но какой ценой?

Амур поднялся из-за стола.

– Уже поздно. Попробую что-нибудь узнать об этой пропавшей американской женщине. Но, как вы, наверное, слышали, за последний год все попытки спасти пленных приводили к смерти от рук пиратов. Так что получить информацию будет не так-то просто.

Грей тоже поднялся и пожал ему руку. Он научился читать между строк. Чтобы развязать языки, нужны дополнительные средства. Но Грей опасался, что слишком большая сумма может вызвать подозрения у похитителей Аманды. Тут необходимо соблюдать разумный баланс. Впрочем, другого выбора у них пока что не было.

– Понимаю. Делайте свое дело, – сказал он, снова пожал информатору руку и пожелал ему доброй ночи на местном языке, что вызвало у Амура одобрительную улыбку. – Хабен ванагсан.

Потом Грей подождал, когда Амур выйдет из ресторана, и обратился к своим:

– Пора возвращаться в гостиницу.

Они вышли все вместе, группой. Даже в столь поздний час улицы были забиты автомобилями, людьми и повозками. Кругом с лотков торговали едой, по обе стороны улицы были открыты маленькие чайные и сувенирные лавки. Жизнь в ночном Босасо била ключом.

По-прежнему держась вместе, они миновали шумные улицы и свернули к своей гостинице.

Сейхан наклонилась и шепнула ему на ухо – он ощутил на щеке жаркое ее дыхание:

– Ты был прав. За нами «хвост».

Грей остановился у фруктового ларька и стал изучать экзотический товар, одновременно украдкой оглядывая улицу. Заметил две фигуры в европейской одежде, которые тотчас метнулись за угол, когда он остановился.

– Те двое?

– Трое, – поправила его Сейхан. – Там еще женщина в зеленом саронге. Стоит у двери в интернет-кафе.

Во внешности этой женщины Грей не заметил ничего необычного, однако наблюдательности Сейхан он доверял.

Ковальски вел себя непринужденно. Взял с лотка банан, понюхал.

– Так мы покупаем что или нет?

Грей двинулся дальше, к гостинице; «хвост» шел следом.

– Значит, этот Амур не столь уж лоялен, как утверждали в ЦРУ, – прошептала Сейхан.

И почти прильнула к нему, точно они были любовниками. На публичные физические контакты между мужчиной и женщиной в этой стране смотрели косо, но было нечто странно возбуждающее в подобной близости без прикосновения.

– Пейнтер тоже это заподозрил, – шепнул в ответ Грей.

Директор ознакомился с досье на всех потенциальных информаторов и остановил свой выбор на Амуре именно из-за сомнительного его поведения и ошибок прошлого. Похоже,

этот человек с легкостью мог переметнуться от одной стороны к другой, особенно когда речь шла о больших деньгах.

Кто был пиратом, им и останется.

Грей вышагивал по дороге рядом со своими товарищами и не собирался сбрасывать «хвост». Он хотел, чтобы эти люди следили за ними. Амур затеял опасную игру, но это им только на руку.

Потому как в одну и ту же игру могут играть сразу *двое.*

21 час 01 минута

Такер Уэйн держался от Амура на почтительном расстоянии, их разделял целый квартал.

В наушниках щелкнуло, прорезался голос:

– Ты его ведешь?

Коммандер Пирс. Такер дотронулся до микрофона у горла и буркнул:

– Ответ положительный.

Чтобы слиться с толпой, Уэйн надел поверх бронежилета из кевлара просторную клетчатую тунику, а чтобы спрятать волосы и скрыть верхнюю часть лица, нахлобучил на голову традиционный местный тюрбан. Нет, здесь, конечно, попадались белые лица. Казалось, этот город притягивает авантюристов со всего света. Он слышал, как на улицах говорят по-немецки, по-испански и по-французски – и все это на общем фоне самых разнообразных африканских диалектов. И тем не менее он старался не попадаться на глаза человеку, которого преследовал. И предпочитал помощь еще одной пары зорких глаз.

Каин, находившийся в нескольких метрах впереди, держался в тени, подобно призраку скользил вдоль стены чьих-то владений, бесшумно огибал и перепрыгивал через препятствия. Лишь несколько глаз отметили присутствие пастушьей собаки. То были глаза уличных псов – голодных, с выпирающими ребрами, – они в ночное время наводняли улицы города.

Пройдя еще квартал, Амур свернул за угол и двинулся прочь от оживленных улиц с новенькими отелями и большими особняками. Он направлялся в строящуюся часть города, где высились краны, горы мусора и бетонных блоков и стояли металлические трейлеры; словом, все было готово для того, чтобы начать расширение делового района города.

Такер сообщил по рации об изменении маршрута.

– Он идет в новый Босасо. Строящийся район. И уж определенно – не домой.

Такер постарался запомнить все об этом человеке и теперь держал «карту» его жизни в памяти. Знал, где он жил, где встречается с друзьями за выпивкой, где живет его любовница. Амур направлялся совсем в другую сторону.

– Продолжай следить, но держи дистанцию, – предупредил его Грей. – Смотри не спугни.

Уж я-то знаю, как делать свою работу, – мрачно подумал Такер, подходя к углу. – *Для этого ты меня и нанял. Вернее, нас.*

Каин уже остановился на углу и обернулся на хозяина. Такер приподнял пятерню.

Стой!

Затем он осмотрел улицу впереди. Высоченная изгородь из металлической сетки по обе ее стороны была призвана оградить прохожих от всяких неожиданностей – вокруг шла стройка. Правда, в этот час здесь не было ни души. И ему оставалось только ждать.

Если пойду за ним, меня тут же увидят. И конец слежке.

Но у них было одно маленькое преимущество. Грей принял все меры, чтобы скрыть участие Такера в этом секретном задании. Из Танзании в Сомали они летели разными рей-

сами. Грей хотел, чтобы всеобщее внимание привлекала только его группа, а Такер оставался бы в тени и действовал независимо.

Дойдя до конца улицы, Амур остановился у запертых ворот в ограде. Из тени вышел охранник с автоматом Калашникова и поздоровался с ним. Сблизив головы, они пошептались о чем-то, затем охранник кивнул и отпер ворота. Амур проскользнул в них, следом вошел охранник.

Что это он затеял?

Такер прошел еще несколько метров и обнаружил узкий лаз между изгородью и кучей песка. Место это прикрывал высокий металлический контейнер. Он подозвал Каина, втолкнул его в лаз, описал пальцем круг и прикоснулся к носу собаки.

Ползи туда, иди по следу. Запах!

Такер знал, что Каин справится с этим заданием. У человека в носу находится около шести миллионов обонятельных рецепторов; у охотничьих собак их триста миллионов, а следовательно, нюх у них острее во много раз, и они способны распознать запах объекта с расстояния в два футбольных поля.

Отдав этот приказ, Такер опустил руку ладонью вниз. Это означало, что Каин, найдя объект, должен оставаться незамеченным.

Закончив с этим, Уэйн провел пальцами по черному комбинезону собаки, что полностью сливался по цвету с шерстью, – то был укрепленный кевларом водонепроницаемый специальный собачий бронежилет марки «К9 Шторм». Потом проверил наушники Каина, позволявшие им общаться на расстоянии. А после этого приподнял свисавшую с ошейника крохотную видеокамеру, позволяющую вести ночные съемки, и поместил ее между ушами пса.

Команде и здесь нужны были глаза и уши.

Такер достал мобильник, ввел код, и на маленьком экране возникло зернистое изображение собаки. Наклонился и ласково потрепал своего напарника по загривку. Еще раз проверил комбинезон – убедиться, что там ничего не звенит, что ничто не выдаст местоположения Каина.

Удовлетворенный, он опустился на колени и взял в ладони голову собаки. Почувствовал, что Каин весь дрожит от возбуждения; даже вывалил язык и дышит часто, но тихо. Темные глаза их встретились. Вот одна из уникальных способностей домашних собак – *они изучают нас, как и мы их.*

– Кто тут хороший мальчик? – шепнул он на ухо своему другу.

Каин подался вперед, уткнулся ему в лицо влажным носом.

И вот Такер наконец выпрямился и махнул рукой в сторону лаза.

Вперед!

Каин бесшумно скользнул в отверстие, махнув кончиком хвоста на прощанье. Такер тут же проверил, как работает мобильник. На маленьком экране возникли бульдозеры и груды бетонных обломков. Изображение немного дергалось и расплывалось – как в фильме ужасов.

Такер коснулся микрофона у горла.

– Веду видеонаблюдение, коммандер. На тот случай, если вы хотите полюбоваться этим шоу.

В ожидании ответа он сунул в свободное ухо крохотный радиопередатчик – и сразу услышал учащенное дыхание Каина.

В другом ухе прорезался голос Грея:

– Понял. Есть. Посмотрим, что там затеял наш друг Амур.

Держась в тени железного контейнера, Такер продолжал наблюдать за продвижением своего напарника. По коже у него пробежали мурашки.

А вот здесь осторожней, приятель.

Каин передвигался, припав всем телом к земле, чувства напряжены до предела. Вокруг немного просветлело, чернильная тьма сменилась темно-серой пеленой. По обе стороны высились груды камней, что облегчало незаметное продвижение вперед. Легкий ветерок покатил по земле раздавленный бумажный стаканчик; движение это привлекло его внимание лишь на долю секунды – ничего интересного.

Когда подводит зрение, включается обоняние. Запахи наполняли его нос слой за слоем, помогали поворачивать время вспять, выстраивали картину из старых следов.

Горьковатый мускусный запах какого-то зверя…

Кислая вонь мочи, кто-то оставил здесь метку…

Запах горелого масла от замерших машин…

Он двигался через этот лабиринт, впитывал в себя все новые запахи, раскатывал их на влажном языке, потом глотал, и они сползали вниз по горлу. Уши напрягались при каждом малейшем звуке – шепоте песчинок, шуме ветерка, поступи мохнатых лап по земле.

Вперед… всегда только вперед.

При каждом повороте он поднимал нос и принюхивался.

А потом вдруг… в него ударил знакомый запах, такой плотный, насыщенный, резкий. Добыча где-то здесь, близко…

И он замедлил шаг.

А затем распластался на земле, в тени трейлеров, и стал дышать еще тише.

Добыча впереди приближалась к другим людям. Видно их не было, но выдавал запах. Они прятались где-то за грудой металла, от него пахло ржавчиной и еще чем-то страшно противным. Но запах человека нельзя спутать ни с чем, просто невозможно. Такой вонючий и сильный.

Его добыча продолжала идти вперед в сопровождении человека с автоматом.

Каин разбирался и в оружии – отличал по запаху и звуку.

Те, кто прятался, наконец показались, вышли на открытое пространство. Добыча отступила на шаг, запах от нее стал еще сильней – то был запах страха. Но он тут же исчез.

Их было четверо, рты раскрыты, показывают зубы, но не угрожающе. Они говорили, производили шум.

Каин подполз поближе, нашел укромное местечко, где можно было оставаться незамеченным. Распластался на животе, но мышцы ног напряглись. Приготовился в любой момент бежать прочь или напасть.

Но пока что решил остаться на месте.

Наблюдать. Он был послушным псом.

Ведь так просил ОН.

И вот Каин продолжил впитывать звуки и запахи ночи, изучать окружавший его мир. Он чувствовал запах своих следов, они уходили назад и смешивались со многими другими. Но среди всех явственно пробивался один след, сиял, как солнце в ночи, служил доказательством неразрывной связи с этим существом. И связаны они были навеки – кровью и доверием друг к другу.

Он и имя его знал.

По запаху, по звуку, по виду.

Он хорошо знал это имя.

21 час 12 минут

Такер наблюдал за встречей Амура с тремя его соотечественниками, судя по всему, дружками-пиратами – об этом говорили племенные насечки на лицах и грубые манеры. Они

собрались у кучи старых проржавевших труб и сломанных бетонных блоков. В наушниках он слышал их грубый смех. Говорили они на сомалийском диалекте. Специальная программа по переводу превращала этот разговор в несколько примитивную компьютеризированную версию.

«*Долго будешь еще водить их?»* – спрашивал один.

«Много денег можешь получить?» – говорил другой.

«Хасан, Хабиб, доверьтесь мне, – вскинув руки, сказал Амур. – *Они знают больше, чем говорят. А раз так, заставлю танцевать их на ниточках, куда захочу, туда и поверну».*

«Это ты так говоришь», – в голосе третьего звучало сомнение.

В доказательство своих слов Амур извлек из-за пазухи толстую пачку денег, отделил несколько купюр и роздал собеседникам. «*Но сначала,* – сказал он, – *я должен бросить этим американцам хоть какую-то кость. Чтобы ловили каждое мое слово, ясно?»*

Но собеседники не обращали на него внимания, считали деньги, рассовывали по карманам.

«Так что вы слышали об этой американской женщине?» — спросил Амур.

«Только слухи, Амур». Услышав эти слова, остальные двое закивали.

Тут в другом ухе Такера прозвучало:

– Пока что и слухи тоже сгодятся.

Это были слова Пирса. Похоже, их командир с тем же неослабевающим вниманием слушал этот разговор.

«Так что там говорят?» — не отставал Амур.

«*Друг моего троюродного дяди, они живут у Эйла, так вот, он говорит, что видел, как через их деревню провозили белую женщину. Говорит, будто везли ее в горы».*

«Горы Кал-Маду?»

В ответ собеседник лишь пожал плечами.

«Да, разных мест там полно, – пробормотал Амур, но, похоже, разочарован не был. Потом задумчиво потер подбородок. – *Если она в горах, ее никогда не найдут. И я могу легко продать эту информацию американцам – и не сказать толком ничего. И если Аллах будет ко мне благосклонен, попробую продлить наши выгодные отношения еще на несколько дней».*

«Ну а потом что?»

«А потом эти американцы будут мне без пользы. Жаль, конечно, если с ними что-то случится… Жаль, но в наших опасных краях такое бывает часто, верно?»

Все дружно заулыбались.

– Сдается мне, наш Амур не столь уж гостеприимный хозяин, каким притворяется, – прозвучал в наушниках голос Грея. – Думаю, мы должны…

Но тут его слова заглушило тихое, но грозное рычание.

Изображение на маленьком экранчике заметалось, подернулось рябью – похоже, напарник Такера почуял что-то и убегает.

– Что там с твоей собакой? – спросил Грей.

– Погоди. Кто-то его спугнул.

Зернистое изображение подпрыгивало и металось – это собака кружила возле высоченной груды строительного мусора. Похоже, Каин пытался обойти Амура и его собеседников с фланга.

Затем изображение восстановилось. И Такер увидел, что откуда-то с дальнего конца строительной площадки к Амуру приближается группа из шести человек. Все в черных пуленепробиваемых костюмах, на головах шлемы, оборудованные приборами ночного видения. Через плечо перекинуты автоматы. Эти люди не были простыми пиратами; сразу стало ясно, что они прошли военную подготовку. И что намерения у них далеко не дружеские.

Очевидно, расспросы Амура дошли до чужих ушей.

Плохо дело. Особенно сейчас.

Такер наблюдал за тем, как командир группы дал рукой сигнал и она разделилась на две группы. Видимо, бойцы пытались окружить Амура, не дать ему вырваться и уйти. И, к сожалению, в ловушку эту угодил не только бывший пират. Казалось, что сердце у Такера остановилось от страха.

Глава 6

1 июля, 21 час 15 минут по восточноафриканскому времени Босасо, Сомали

– Стой на месте! – приказал Грей.

Сейхан заглядывала ему через плечо с одной стороны, Ковальски – с другой. Они остановились у входа в проулок, всего в нескольких кварталах от своей гостиницы, продолжая наблюдать за изображением с камеры, закрепленной на пастушьей собаке. Они видели, как команда из шести вооруженных бойцов окружает Амура и его группу, стремясь не дать уйти никому.

– Но я не могу, коммандер, – возразил ему капитан Уэйн. – И не уйду до тех пор, пока Каин не будет в безопасности.

Грей понимал: Такера ему не остановить. У него не было власти над этим человеком. Но если Уэйна заметят или, еще того хуже, схватят – задание может оказаться под угрозой провала.

– Дождись хотя бы, пока я не подойду, – продолжал настаивать Грей. – Сделаем это вместе.

Последовала долгая пауза; Грей даже испугался, что Такер уже исчез. Но тут прозвучал ответ:

– Ладно, жду. С минуту-другую. Но ничего не обещаю.

На большее Грей и не рассчитывал.

– Уже иду, – бросил он в микрофон, затем обернулся к остальным и указал на улицу. – Вы, двое, в гостиницу. Уведете за собой «хвост». Пусть убедятся, что мы остались там на ночь.

Сейхан придвинулась к нему поближе.

– Ты не можешь пойти один. Ты же совсем не знаешь города.

Пирс надавил на кнопку мобильника, и на экране возникла карта улиц Босасо.

– Ничего, справлюсь. И потом, у нас просто нет выбора. У Амура наверняка есть в городе и другие дружки. И нам нужно алиби, это на тот случай, если там, на строительной площадке, с ним что-то случится. Совсем ни к чему, чтобы это убийство повесили на нас.

– Как будешь действовать? – спросила Сейхан.

Уголком глаза Грей заметил группу из трех человек, посланную следить за ними. Трио стояло перед прилавком уличного торговца, изображало интерес к разложенным на нем рулонам ткани.

– Свернув за угол, вон там, мы на мгновение выпадаем из их поля зрения. Я пойду по боковой улочке. А вы бегите к гостинице. Пусть видят, как вы входите внутрь, потолкайтесь в дверях. Надеюсь, они подумают, что уже вошел.

Сейхан слегка нахмурилась, и Грей понял: она не слишком верит в этот план.

Он протянул руку, сжал ее пальцы на мгновение. То был чисто рефлекторный жест, но получился он более интимным, чем хотелось бы.

– Со мной все будет о’кей, – пробормотал Пирс.

Девушка молчала – очевидно, была потрясена этим жестом.

– Пошли, – скомандовал Грей, положив таким образом конец дискуссии.

И они неспешно, прогулочным шагом, двинулись по улице. Вот Пирс свернул за угол – и тут же с молниеносной быстротой ринулся в узкий боковой проулок. Если карта верна, ему следует описать круг в обратном направлении, тогда он сможет выйти на капитана Уэйна.

Прочесть значение последнего взгляда Сейхан ему не удалось. Ковальски же оказался более прозаичным созданием.

– Вперед! И прикрывай задницу!

Грей слышал, как Сейхан с Ковальски бросились бежать к широким ступеням при входе в гостиницу «Джабба», что находилась в конце улицы.

Еще слава богу, что они умеют выполнять приказы, подумал Грей. Если б и Такер Уэйн был таким же… Но Грей, быстро бегущий вперед, понимал, что эти его мечты напрасны. Такер всегда был человеком инстинкта, и управлять им сложно. Он действовал, а потом уже думал.

Особенно если его собака в опасности.

Каин укрылся в темноте, под выступающим обломком бетонного блока. Ночь сгустилась вокруг его укрытия, неся с собой новые волны запаховых меток и следов, смесь звуков и движений. Он, не мигая, смотрел на все это, точно выстраивая в голове пейзаж, своеобразную карту из знаков настоящего и прошлого.

Тихий хруст камешка под ботинком…

Щелчок кожаного ремня – кто-то поправил оружие на плече…

Тяжелое и возбужденное дыхание хищника, учуявшего добычу…

А его добыча продолжала пребывать на том же месте, была слепа и глуха к приближению опасности. Каин следил за новоприбывшими. Те пробирались через старые запаховые тропинки и следы, даже его собственные, и создавали новые, сильно пахнущие человеком. Теперь они уже взяли старые в кольцо.

И кольцо это все сжималось, по мере того как они подходили к своей добыче.

Каин оставался в укрытии, тих и недвижим, целиком доверясь тьме.

И Ему.

21 час 22 минуты

Такер сидел на корточках у сетчатой изгороди, прячась за металлическим контейнером, и не сводил глаз с экрана в надежде понять, что происходит с Каином. Повинуясь его первоначальным инструкциям, собака сфокусировала все свое внимание на группе Амура. Те продолжали обсуждать, как лучше потратить деньги, где лучше поужинать и как еще выжать кругленькую сумму из коммандера Пирса.

А между тем вокруг них смыкалась смертоносная петля. И его Каин тоже был в опасности.

Такер не осмеливался позвать собаку к себе. Любое движение может привлечь внимание коммандос.

Пес словно откликнулся на его безмолвный призыв, и изображение на экране изменилось – теперь Каин смотрел назад, через плечо. И под этим углом стал виден коммандос в черном защитном комбинезоне, он подбирался к укрытию Каина. Пес оставался на своем посту, как и приказывал ему хозяин.

Каин считает, что хорошо спрятался, – подумал Такер.

Но пастушья собака ошибалась.

Глаза коммандос скрывали очки ночного видения. И укрытие, которое выбрал себе Каин, оказалось беззащитным перед такой технологией. Он увидит его собаку через секунду-другую, увидит и специальный жилет на ней – и тогда все пропало!

Такер оглядел улицу. Коммандера Пирса видно не было, так что придется действовать в одиночку.

Сейчас же!

Изгибаясь всем телом, Уэйн по-пластунски пополз к изгороди, к тому лазу, через который проник на территорию Каин. Лаз оказался слишком мал для него, а сверху изгородь была покрыта витками колючей проволоки. Но другого выхода не было. Такер положил мобильник на землю и обеими руками вкопался в плотно слежавшийся песок.

Через некоторое время он взглянул на лежавший рядом мобильник и увидел, что коммандос все ближе подбирается к Каину. Начал копать еще быстрей – отбрасывал песок в сторону, углублял отверстие, из пальцев сочилась кровь.

И вот, не в силах ждать более, он начал протискиваться через лаз. Нижний край изгороди изорвал тунику в лоскуты, под ней показался бронежилет из кевлара.

Такер попятился и схватил мобильник.

При виде того, что творится на экране, сердце у него замерло.

Зернистое изображение коммандос дернулось и остановилось. По вполне понятной причине. Боец вскинул автомат и теперь целился прямо в камеру.

Прямо в Каина.

21 час 23 минуты

Черт бы побрал этого идиота…

Сейхан сердито и быстро вышагивала по плиточному полу вестибюля гостиницы «Джабба». Ковальски шел следом.

Она ненавидела себя за то, что оставила Грея, ненавидела за саму эту мысль о нем, но признавала, что решение он выбрал верное. Им удалось отвлечь «хвост», привести преследователей к зданию гостиницы и заставить их поверить в то, что Грей уже внутри.

Однако тревожное ощущение ее не оставляло. Грей не должен был идти туда один. Если бы у них было еще несколько минут на обсуждение плана, они наверняка бы придумали какой-нибудь другой способ избавиться от этих преследователей, обмануть их как-то по-другому. Действия Грея были безумны, безрассудны. И не только в этой ситуации. Они едва не потеряли Такера Уэйна и его собаку еще в Занзибаре. Обычно Грей не допускал подобных ошибок.

Сейхан догадывалась, какая причина стояла за этим. Греем двигало чувство ярости и крайнего отчаяния. Она читала это в его серых глазах, потемневших от гнева, в том, как он нервно играл желваками, в отрывистых выражениях. Прежде Сейхан никогда не видела Грея в таком состоянии, и это ее тревожило. И беспокоилась она не за себя, а за него. Возможно, ему пора перейти на другую работу, не связанную с активными боевыми действиями.

Но их призвали сюда, они должны выполнить задание, и пути назад уже нет.

Ковальски вытащил сигару и уже собрался закурить. В вестибюле и без того уже плавали густые слои дыма – на огромном телевизионном экране в ресторане показывали футбольный матч, и это привлекло шумную толпу болельщиков, столпившихся в вестибюле и преградивших путь к лестнице.

Напарник кивком указал на вход в гостиницу.

– Похоже, наши друзья решили разбить здесь лагерь. Чтобы уж точно убедиться, что мы никуда не денемся.

Сейхан взглянула в указанном направлении. Преследователи расположились за столиком уличной кофейни, откуда был хорошо виден вход в гостиницу. Очевидно, что Амур твердо вознамерился защищать свои коммерческие интересы, не допуская на эту территорию других информаторов.

Сейхан обернулась на громкие крики в ресторане. Матч между командами Бразилии и Германии набирал обороты. Группа немецких болельщиков затянула свой национальный гимн.

– Пошли отсюда, – сказала она напарнику. Хотелось поскорее вернуться в номер.

Но Ковальски все медлил, попыхивал сигарой, добавляя дыма в вестибюле. Глаза его были прикованы к экрану, он следил за матчем. Ноги сами влекли его туда, поближе к телевизору.

Что ж, по крайней мере, это избавит его сегодня от неприятностей.

Но она ошибалась.

Сделав еще несколько шагов, Ковальски столкнулся с официантом – тот нес огромный поднос, заставленный чайными чашками и чайниками с кипятком. Поднос рухнул на мужчин, столпившихся у входа в ресторан. Раздались проклятия, крики; кипятком обрызгало тех, кто оказался ближе.

Толчок, потом удар, разбитый нос… И началась драка. Люди стали выбегать из ресторана в вестибюль, лишь усугубляя царивший там хаос.

Ковальски оттащил Сейхан в уголок и загородил собой – запущенная кем-то в него бутылка вдребезги разбилась о стену.

– Ты что делаешь? – возмутилась Сейхан.

Ковальски лишь ухмыльнулся в ответ, затем произнес, не выпуская сигары изо рта:

– Можно пройти через кухню, там есть задняя дверь. Я отвлеку внимание – уж больно славная получается заварушка, и ты сможешь выбраться на улицу незамеченной.

Глаза их встретились. От внимания Сейхан не укрылся блеснувший в глазах гиганта хитроватый огонек. Выходит, не одну ее беспокоила судьба Грея.

– Готова? – спросил он.

Она кивнула, и ухмылка его стала еще шире – просто пугающее зрелище.

И вот он с ревом развернулся и бросился в самую гущу драки, точно разъяренный бык, сметая всех на своем пути. Через несколько секунд толпа метнулась к дверям в гостиницу, дерущиеся стали высыпать на улицу, хаос разрастался.

Сейхан метнулась в противоположном направлении, вытащила шарф, обернула им голову и прикрыла часть лица. За спиной раздавался грозный рев Ковальски – он, судя по всему, был счастлив, оказавшись в своей стихии.

Так, теперь еще надо найти Грея.

По навигационной системе, встроенной в мобильный телефон, Сейхан определила, где находится сейчас Такер Уэйн. Стало быть, туда и направляется Грей.

Слыша за спиной грохот падающих кастрюль и сковородок, она выбежала через заднюю дверь на улицу. В темном проулке царила тишина.

Но не успела Сейхан сделать и шагу, как в глаза ей ударил луч света. Яркий, пронзительный, он даже ослепил ее на миг. А затем послышался щелчок взводимого курка, и грубый мужской голос с сильным британским акцентом произнес:

– Еще шаг, и я всажу пулю прямо в твою хорошенькую черепушку!

Глава 7

1 июля, 21 час 24 минуты по восточноафриканскому времени Босасо, Сомали

Стоя у изгороди, Такер смотрел, как в его Каина целятся из штурмовой винтовки. От этого зернистого изображения на экране по коже пробежали мурашки. Ему уже не успеть, не спасти друга…

Чисто инстинктивным движением он выхватил пистолет, черный «ЗИГ-Зауэр», поднял ствол и дважды пальнул в воздух. Звуки выстрелов раскатистым эхом разнеслись над строительной площадкой.

Солдат на экране отвел ствол и даже присел от неожиданности.

А Такер уже пришел в движение и помчался к укрытию, где прятался Каин. Затем надавил на телефоне зеленую кнопку в виде крохотного уха и поднес его к губам. В приемнике за левым ухом собаки прорезался голос хозяина:

– ВЗЯТЬ! РАЗОРУЖИТЬ!

Изображение на экране превратилось в неразборчивое мелькание.

Такер, пригнувшись, продолжил бег.

Уже иду, дружище!

Каин ощутил вкус крови, услышал, как хрустнула кость под мощным давлением его челюстей. Он вцепился в противника мертвой хваткой. Болезненный крик прорезал тишину ночи. Затем нога в солдатском ботинке ударила его по ребрам, и он отлетел в сторону.

Ночь завертелась, закружилась, он покатился по земле, подобрав под себя лапы.

Его добыча сидела скорчившись и прижимала руку к груди; запястье прокушено насквозь, автомат на земле. Теперь оба охотника смотрели друг на друга, переводя дух.

И вот Каин рванулся вперед, вцепился зубами в ткань у лодыжки врага, метнулся в сторону и вырвал из-под противника согнутую в колене ногу. Тот повалился на землю, ударился головой о камень. Очки ночного видения отлетели, стали видны узкие глаза охотника. Каин впитывал запах страха, исходивший от этого человека, ощущал на языке вкус его крови.

Но охотник оказался не один.

В чьей-то другой руке сверкнуло лезвие – и устремилось вниз. Но Каина уже не было на том месте. Он, стелясь над самой землей, убегал в ночь.

Причем еще и с добычей, крепко зажатой в зубах.

21 час 25 минут

Грей бежал вдоль сетчатой металлической изгороди, как вдруг со стройплощадки донеслись звуки выстрелов: оглушительные автоматные очереди и отдельные хлопки из более мелкого оружия.

Всего несколько секунд назад, добежав до этой улицы, он слышал два громких пистолетных выстрела, прогремевших в полной тишине.

Два выстрела.

И прозвучали они с другой стороны, не там, где сейчас шла канонада.

Должно быть, капитан Уэйн.

Предположение его подтвердилось. Грей услышал, как Такер отдает команды своему четвероногому напарнику. На улице его видно не было, и Грей бросился к воротам на углу. Они оказались не заперты, и он, держа пистолет наготове, вбежал на стройплощадку.

Разбитая бульдозерами дорога вела к тому месту, где разгорелся бой.

Подбегая, он заметил тела на земле. Люди Амура.

Грей метнулся в сторону, укрылся в тени бетонных блоков. На площадке показался коммандос и пнул носком ботинка одно из тел. Раненый умоляющим жестом вскинул вверх руку. Коммандос опустил ствол. Грянул выстрел – и рука безжизненно опустилась на землю.

Они убивают здесь всех и каждого.

Впрочем, схватка закончилась так же быстро, как и началась. Еще несколько автоматных очередей прозвучали уже вдали.

Грей дотронулся до микрофона у горла.

– Такер, ты где? Ответь!

Но ответ пришел не по рации.

Откуда-то слева, вдали от мертвых тел, снова донеслись звуки яростной перестрелки. Коммандос бросился в ту сторону.

Грей едва не выругался, обогнул груду бетонных плит и, пригнувшись, двинулся туда же. Звуки стрельбы снова сместились – очевидно, неугомонный Такер играл с охотниками в кошки-мышки.

Грей пробирался через лабиринт строительного мусора на звуки стрельбы, не забывая при этом следить, что происходит вокруг. И вдруг увидел Такера. Тот с пистолетом в руке бежал вдоль длинного ряда мусоровозов, стараясь оставаться незамеченным.

Грей направился к нему, но не успел сделать и трех шагов, как впереди, в нескольких ярдах, мелькнула какая-то тень. Мужчина находился спиной к нему и загораживал Такера. Это был тот самый коммандос, прикончивший последнего из людей Амура. Он заметил Уэйна и открыл по нему стрельбу из автомата.

Пули со звоном рикошетили от мусоровоза. Такер попытался увернуться. Но одна из пуль угодила ему прямо в грудь и отбросила назад; он всем телом ударился о крыло машины, а потом медленно сполз на землю. Пистолет выпал из руки.

Грей приподнял ствол, двумя прыжками преодолел расстояние и выстрелил коммандос в основание черепа. Солдат рухнул на колени, потом завалился лицом вниз. Все его тело бешено содрогалось от предсмертных конвульсий. Грей прошел мимо него и пинком выбил автомат из пальцев коммандос.

Такер пытался встать, прижимая ладонь к груди.

Чертовски повезло, что на нем бронежилет из кевлара.

Но везение длилось недолго.

Откуда-то справа послышался хлопок пистолетного выстрела – Грей так и не увидел откуда. Такер пригнулся, пуля просвистела мимо его уха и вонзилась в огромную шину мусоровоза. Прозвучали еще несколько выстрелов, пули поднимали фонтанчики пыли у ног Такера и его левой руки. Он стал отползать в сторону и вскоре исчез из вида.

Грей бросился вперед, но стрелка по-прежнему не видел.

Где?!

И тут коммандос выбежал на открытое место. Бежал он пригнувшись, вскинув ствол, и направлялся к тому месту, где Такер нашел себе укрытие. Свободную руку он прижимал к груди под каким-то неестественным углом, и та была вся в крови. Было очевидно – этим человеком движет слепая ярость.

Грей пытался прицелиться в нападавшего, но тот перемещался слишком быстро, к тому же был защищен бронежилетом и шлемом. Грей тем не менее выстрелил – и остался с пустой

обоймой. Но коммандос был так сосредоточен на своей цели, что даже и глазом не моргнул, когда пуля срикошетила от его шлема и угодила в дверцу грузовика.

И вот он тоже скрылся из вида, продолжил преследовать Такера.

Грей бросился следом, выбрасывая на ходу опустевшую обойму и вставляя новую. Несколько шагов – и он увидел коммандос; тот склонился над Такером. Товарищ его лежал на земле, рядом с кабиной грузовика, одно плечо было сплошь в крови. Коммандос неспешно приподнял ствол и прицелился Такеру в голову.

Грей понимал, что остановить его не в силах. Но тут произошло чудо.

21 час 26 минут

Дымящийся ствол пистолета медленно опустился и нацелился Такеру прямо между глаз. Плечо у Уэйна жгло от боли. Он посмотрел на ствол, потом заглянул в глаза этому человеку. И прочел в них слепую ярость.

Равную по силе его ярости.

Еще когда коммандос подбегал, Такер заметил, что запястье у него сломано, что плоть в этом месте изодрана в клочья. Он сразу понял: работа Каина. Так, значит, этот тип угрожал его четвероногому другу.

И еще он прочел в сощуренных его глазах радость – от того, что сейчас совершит убийство.

Равную по силе его радости и жажде мести.

Равную по силе жажде мести еще одного существа.

Откуда-то из темноты послышался грозный рык, коммандос повернулся на этот звук и направил ствол в ту сторону. Воспользовавшись моментом, Такер вытащил из-под грузовика автомат, который прежде принадлежал коммандос, развернулся и выстрелил противнику прямо в лицо. Отдача так и отбросила Уэйна назад.

Едва он распластался на земле, как появился Грей. Подбежал, потом вдруг так и замер от удивления.

– Как… где ты его взял?..

Такер, все еще лежа на спине, обернулся и всмотрелся в темноту под мусоровозом. Там притаился Каин, дышал учащенно, а глаза его горели от ярости. Он выполнил команду хозяина – не только сбил с ног и держал врага, но и разоружил его. Такер представил, как верный пес, всегда такой послушный и исполнительный, волок этот автомат, зажав в зубах кожаный ремень. Он всегда выполнял команды хозяина – в точности и до последнего слова.

– Хороший мальчик, – пробормотал Такер, глядя в темные умные глаза собаки. – Хороший мальчик, молодец.

21 час 35 минут

Грей шел по улице к гостинице «Джабба». После спасения Такера оба они быстро покинули стройплощадку. Сопротивления больше не встретили. Завершив свое задание, оставшиеся в живых коммандос – скорее всего, наемники – ушли и растворились в ночи. Тот, кто нанял этих убийц, очевидно, хотел, чтобы Амур замолчал раз и навсегда. Должно быть, его расспросы насторожили пиратов, принимавших участие в похищении Аманды, и вызвали быструю ответную реакцию.

И вот Грей с Такером вернулись в путаный лабиринт улиц новой части города. Ненадолго остановились – лишь для того, чтобы перевязать плечо Такеру. К счастью, пуля лишь царапнула левую часть предплечья.

Такер закончил объяснять, что с ним произошло.

– На экране мобильника я видел, как Каин побежал куда-то в сторону этих мусоровозов, ну и пошел его искать.

– И нарвался на неприятности.

Такер нахмурился, покосился на пса, послушно трусившего рядом. Потом наклонился, снял с Каина жилет, свернул и сунул его под мышку здоровой руки.

– Я никогда не оставлял его в беде, коммандер. И не оставлю. И Каин тоже приглядывает за мной с тем же усердием. Меня теперь уже не было бы в живых, если б не он.

А я не оказался бы в опасности, если б ты исполнял приказы.

Но на этот раз Грей решил промолчать.

А Такер меж тем продолжил:

– Ну и, оказавшись там, Каин, должно быть, меня учуял и спрятался поблизости.

– А потом притащил тебе автомат, – в голосе Грея слышалось уважение и недоверие одновременно.

– Я же приказал ему разоружать противника. Он хорошо обучен.

Однако Грей подозревал, что подобной слаженности действий одним обучением не добьешься. За этим стоит нечто большее, неразрывная связь между собакой и ее хозяином; нечто более глубокое и сложное, чем простое повиновение жестам и голосовым командам.

Как бы там ни было, но отделались они легко, выйдя из этой передряги почти целыми и невредимыми. Вся группа Амура уничтожена бандой наемных убийц, зато теперь, в том числе и благодаря Каину, они знают, что дочь президента Аманду держат где-то на западе страны, в горах Кал-Маду.

Грей не успел придумать хотя бы приблизительный план дальнейших действий – еще издали заметил, что у входа в гостиницу «Джабба» происходит что-то неладное. Столы перевернуты, лотки и окна разбиты. Прямо на асфальте сидели мужчины, зализывая раны. Все это выглядело как последствия массовой драки.

– Что происходит? – спросил Такер.

– Понятия не имею.

Грей торопливо взбежал по ступенькам. И увидел, что в вестибюле гостиницы творится сущий хаос. В соседнем помещении ресторана на большом экране показывали футбольный матч. Столы и стулья сломаны и перевернуты, несколько мужчин невозмутимо потягивают чай из чашек, точно ничего не случилось.

Грей прикоснулся к микрофону и стал вызывать по рации Ковальски и Сейхан. Но ответа не получил.

Такер заметил, как он встревожился.

Они вместе поднялись по лестнице. Их двухместный номер находился на втором этаже. Грей шел впереди по плиточному полу коридора, звук шагов смягчала ковровая дорожка в персидском стиле. Он, бесшумно ступая, подошел к двери. Изнутри доносились приветственные возгласы и гул толпы – видимо, телевизор был включен и по нему транслировали тот же матч.

Грей достал пистолет и взялся за ручку двери.

Такер вскинул ладонь и показал Каину – знак полной боевой готовности.

И вот Грей ворвался в комнату… и обнаружил там Ковальски. Тот в трусах лежал на диване в гостиной, с приложенным к глазу куском льда в полотенце.

Ковальски вяло отреагировал на их появление – махнул рукой и снова уставился на экран телевизора.

Грей оглядел помещение. Все вроде бы на месте.

– Почему не отвечал на мой вызов? – спросил он.

Ковальски покосился на журнальный столик – там лежали его наушники и рация, – потом провел рукой по влажным волосам.

– Просто принимал душ и забыл…

– Ладно, проехали, – перебил его Грей. – Что там внизу произошло?

Ковальски с болезненным стоном спустил ноги на пол.

– Ты ж сам велел устроить заварушку, когда мы доберемся до гостиницы.

– Я хотел просто отвлечь внимание, а разгорелась Третья мировая война.

Ковальски пожал плечами.

– Да, ситуация немного вышла из-под контроля. То есть я хотел сказать, этим мусульманским ребятам – ни секса тебе, ни алкоголя – надобно как-то выпускать пар.

Грей немного расслабился, сунул пистолет в кобуру.

– Где Сейхан?

Только тут Ковальски отнял от лица пакетик со льдом – открылся красный, заплывший синяком глаз.

– Я думал, она с вами, ребята.

– С нами? Как это понимать? – сердце у Грея тревожно сжалось. А от следующих слов Ковальски ему стало еще хуже.

– Она пошла искать вас.

Глава 8

1 июля, 22 часа 22 минуты по восточноафриканскому времени Босасо, Сомали

Сейхан сидела на бетонном полу, в подвале без окон. Над головой висела электрическая лампочка без абажура. Сильно пахло хлоркой; посреди в полу была дырка, видимо, для отправления естественных нужд.

Хорошего мало.

В левой руке пульсировала боль – упав на землю в темном проулке, Сейхан сильно порезалась о стекло пальцем. Ее схватили, немедленно отняли все снаряжение и средства связи, накинули на голову плотный капюшон и потащили куда-то. Она вслепую, то и дело спотыкаясь, прошагала пешком несколько кварталов – в спину упирался ствол. Затем ее забросили в открытый кузов грузовика или большого внедорожника – она догадалась об этом по ветерку, натуженному реву мотора и жуткой тряске. Пришлось уцепиться за дверную раму, чтобы удержаться на месте; раненую руку при каждом толчке пронзала жуткая боль. Ствол, упиравшийся в ребра, останавливал всякое желание бежать. Они проехали минут десять, не больше, затем остановились, и Сейхан поняла, что находится не так уж и далеко от гостиницы. Но в этом городе-лабиринте казалось, что ее доставили на другую планету.

И вот с головы сорвали капюшон, а затем приказали ей раздеться до трусов и лифчика и бесцеремонно обыскали еще раз. Лишь после этого ей наскоро перевязали раненую руку, хотя кровь просачивалась сквозь бинт и продолжала капать на пол. Потом разрешили надеть одежду, но она все равно чувствовала себя полуголой.

А затем Сейхан посадили на металлический стул и привязали к нему скотчем. Она пыталась раскачать его, но сразу поняла, что бесполезно – ножки были привинчены к бетонному полу.

Она кляла себя за проявленную неосмотрительность, при этом часть вины возлагала на Грея. *Если б этот придурок не умчался тогда сломя голову…*

Но в глубине души Сейхан знала: это и ее вина тоже. И она действовала столь же импульсивно, как Грей. И больше всего беспокоило то, что она понимала причину подобного поведения. Сейхан вспомнила тот поцелуй в больнице. Оба они нуждались друг в друге, но по разным причинам. И причина ее сегодняшней безрассудной выходки крылась именно в том поцелуе. В страхе за него, в боязни потерять его – вот она и оступилась, наделала глупостей…

Нечего было выбегать через задний ход в этот темный безлюдный проулок за гостиницей. Разве на брифинге перед отправкой на задание их не предупреждали, что город этот – рассадник киднеппинга? Единственное, что хоть немного утешало в этот момент, так это то, что похитили ее вовсе не пираты.

Дверь в камеру наконец отворилась, и вошли двое. У одного в руках толстая папка, у другого – в точности такой же металлический стул, как тот, на котором она сидела. Стул поставили прямо перед ней, и мужчина, напавший на нее в проулке, уселся и положил на колени папку. Невысокий, но крепко сбитый, с коротко подстриженными светлыми волосами, начавшими лысеть на макушке, он был наделен даже некоторым шармом.

Его напарником оказалась женщина – стройная индуска с матово-смуглой кожей и темными глазами с поволокой. Она заняла место за спинкой его стула, там и застыла. Как и

мужчина, она была одета в брюки цвета хаки и застегнутую на все пуговки голубую рубашку, безупречно отглаженную, отчего эта вполне обыденная одежда походила на униформу.

Сейхан встретилась с ней взглядом.

– Ты что, одна из тех, кто следил за нами этим вечером? Ты была в зеленом саронге, да?

Женщина промолчала.

Затем Сейхан уставилась на папку. И увидела прикрепленный к обложке свой старый снимок. Зернистый, довольно скверного качества, но узнать ее было можно.

– Так, попробую догадаться. Вы не из команды Амура Махди, верно?

Мужчина ответил ей твердо и вежливо, с британским акцентом:

– Вопросы здесь задаю я. – Затем он открыл папку и просмотрел первые несколько страниц. – С учетом многочисленных прозвищ и псевдонимов даже не знаю, как вас и называть.

– Что, если заклятым врагом, подойдет? – мрачно пошутила Сейхан.

У женщины чуть дрогнули губы, но то была не улыбка – скорее осуждение.

Мужчина оставил этот комментарий без внимания.

– Ваш наниматель совершил на нашей территории акт терроризма. И было это несколько лет тому назад возле Британского музея, где всем заправляла террористка по имени… – тут он порылся в бумагах, – по имени Кассандра Санчес. Отвратительное, доложу вам, деяние.

Сейхан так и похолодела. Кассандра, как и она сама, была оперативным агентом «Гильдии», ее подослали к Пейнтеру Кроу еще до того, как он стал директором «Сигмы». О самой операции Сейхан знала немного – только то, что женщина тогда погибла.

Все это время Сейхан пыталась сообразить, кто именно схватил ее, перебирала в уме различные варианты. Из-за участия в прошлом в деятельности «Гильдии» она находилась в списке самых разыскиваемых личностей множества иностранных разведок. Акцент мужчины помог немного сузить круг поиска. Возможно, они из БСРС – Британской секретной разведывательной службы, которую называли еще МИ-6. Но было в облике и манерах этих людей что-то военное.

– Вы из СРП, – заключила она.

Мужчина выпрямился, как-то особенно пристально взглянул на нее.

– Впечатляет.

Специальный разведывательный полк являлся новым подразделением британских сил особого назначения, был создан относительно недавно для организации и разработки операций, требующих прикрытия, и в частности – для проведения антитеррористических операций. Это была самая секретная и действенная из служб, причем единственная, куда набирали женщин.

Сейхан не сводила глаз с индуски.

Мало кто имел хотя бы отдаленное представление о работе СРП. Но они вполне могли проводить операции в Сомали. За последние лет десять пираты не раз похищали граждан Великобритании. Мало того, беззаконие, творившееся в сельских районах страны, привело к тому, что там стали создавать свои тренировочные базы исламские террористические организации.

И вот она, к несчастью своему, случайно угодила в сети СРП.

Мужчина продолжил:

– Мы получаем изображение с камер, установленных в местном аэропорту. Отсюда и снимок. Вам еще повезло, что нашли вас именно мы. Насколько мне известно, агенты «Моссада» получили приказ стрелять в вас без предупреждения.

Сейхан продолжала анализировать эти разрозненные сведения:

– Вы следили за нами… как-то нарочито неуклюже. Хотели, чтобы мы заметили слежку.

– Да, и ожидали, что вы постараетесь от нее избавиться. Что и произошло. Выскользнули через заднюю дверь и угодили прямо к нам в руки. – Мужчина всем телом подался вперед. – Но с кем вы путешествуете? Кто эти двое? Пока что удалось выяснить, что оба бывшие американские военные, но это все. На них ничего нет, все чисто, безупречно, а потому выглядит подозрительно. Они что, агенты «Гильдии» или же просто наемники, отправленные сюда? Но с какой целью?

Сейхан колебалась, не зная, что и ответить. О том, что она предала интересы «Гильдии» и теперь работает на «Сигму», никому не было известно. Лишь горстка людей из правительства США знала это. А преступления, совершенные ею в прошлом, не позволяли официально признать нынешний статус. Так что если ее схватят – как, к примеру, сейчас, – никто ее не признает и не придет на выручку. Она сама по себе и рано или поздно исчезнет навсегда.

– Если отказываетесь сотрудничать и дальше… – начал мужчина, но тут дверь за его спиной с грохотом сорвалась с петель и в комнату влетел и запрыгал по полу какой-то серебристый предмет.

Сейхан закрыла глаза, жалея о том, что не может еще зажать и уши.

В замкнутом пространстве грянул взрыв. Веки ожгло жаром, а уши заложило так, что ее затошнило. Она резко выдохнула и открыла глаза. И разглядела в дыму что-то маленькое, низенькое, ворвавшееся в помещение через дверной проем. Потом ощутила прикосновение к ноге чего-то мохнатого и мягкого, почувствовала холодный влажный нос, обнюхивающий ее окровавленные пальцы.

– Лучше поздно, чем никогда, – хрипло пробормотала она, не слыша собственного голоса.

Грей с Такером ворвались в камеру с пистолетами в руках. Два агента СРП распростерлись на полу, приняв на себя главный удар светошумовой гранаты. Однако женщина нашла в себе силы и прицелилась в Сейхан. Ослепленная взрывом, она все же сумела выхватить оружие, но стреляла наугад, в направлении стула, где сидела их пленная.

Грянул выстрел, пуля срикошетила от бетонного пола, несколько осколков впились в босые ноги Сейхан. Пес резко отскочил от ее стула.

Грей направил ствол на индуску, и тут Сейхан крикнула:

– Стоп! Не надо! Не стреляй!

Подошел Такер, ударил женщину рукояткой пистолета. Она повалилась на пол и выронила оружие из рук. Уэйн наклонился и подобрал его.

– Они из британских спецслужб! – крикнула Сейхан и на этот раз услышала свой голос, глухота прошла.

Грей указал на парочку.

– Следи за ними, не позволяй им встать, – скомандовал он Такеру. – Надо разобраться, что к чему.

Затем Грей развернулся к Сейхан, в его руках блеснул маленький военный топорик. Он разрубил сковывавшие ее путы, стараясь действовать как можно осторожнее. Потом низко нагнулся, при этом опустил ладонь ей на колено, и прикосновение это точно пронзило все ее тело электрическим током.

– Ты в порядке?

В ушах до сих пор звенело, но она услышала его и кивнула.

– Я нормально. И палец порезала нарочно. И не перевязывала рану, цеплялась этой рукой за раму в машине. В надежде, что эта чертова собачонка честно заработает свою сахарную косточку.

Такер услышал ее слова.

– Значит, специально для Каина оставила кровавый след? Что ж, умно.

Чего тут умного? Просто все рассчитала.

Еще во время перелета в Африку она изучала этого нового потенциального члена команды, оценивала слабые и сильные стороны собаки, прикидывала, можно ли будет на нее положиться при исполнении задания. В отчете было написано, что специально обученная собака может учуять запах всего одной капельки крови в большом олимпийском плавательном бассейне. Она вовсе не планировала проверять обоняние Каина, но была рада, что утверждение это оказалось правдой.

Сейхан поднялась на ноги. Ее еще немного пошатывало, но слух окончательно пришел в норму.

– Ну а что делать с людьми из СРП?

– Еще одного взяли у гостиницы, – сказал Грей. – Связан и находится в заднем проулке, вырубился полностью. Второго Ковальски затащил наверх. Пока мы прорывались внутрь, навалился на него, как разъяренный бык; боюсь, что ногу парню сломал.

– Нога определенно сломана, – донесся от двери мрачный голос. Ковальски переступил порог и указал на лестницу, ведущую в подвал. – Заткнул ему пасть кляпом и связал. И какие же теперь нас ждут неприятности за то, что мы надрали задницы британским солдатам?

Ответ донесся с пола. Мужчина наконец очнулся, глаза его слезились.

– Всегда думал: эти ваши американские разговорные выражения – *куча дерьма!* – Он оглядел собравшихся. – Кто вы такие, черт побери?

Грей убрал оружие в кобуру, потом протянул руку помочь мужчине подняться.

– Мы те, кому нужна ваша помощь.

Мужчина подозрительно уставился на руку Грея, затем все же ухватился за нее и встал.

– Несколько странный способ просить о помощи, вы не находите?

Ковальски хмыкнул и предоставил единственно приемлемое, как ему показалось, объяснение:

– Так мы ж американцы! Чего еще от нас ждать?

23 часа 34 минуты

Час спустя Грей собрал всех у себя в номере, в гостинице «Джабба». Они разместились в гостиной. Звонок директору Кроу, затем бурный обмен мнениями между разведывательными структурами двух стран – и разговор принял более конструктивный характер.

– Так что, эта похищенная у Сейшельских островов женщина, – спросил капитан Тревор Олден, держа чашку горячего чая в ладони, – действительно дочь президента?

– Да, – кивнул Грей. – Аманда Гант-Беннет.

Группы сидели друг напротив друга – американцы по одну сторону, англичане по другую. Их разделял столик с подносом, уставленным чайными принадлежностями. Каин держался поближе к своему наставнику – Такер примостился на диванном валике, – но нос пса был нацелен на соблазнительный запах, исходящий от печенья.

Капитан Олден перевел взгляд с Сейхан на Грея.

– Так она теперь работает на ваших ребят?

Грей лишь кивнул, не вдаваясь в сложные детали и подробности из профессиональных отношений.

Олден откинулся на спинку дивана.

– Могли бы и проинформировать нас, прежде чем появляться здесь. Избавили бы майора Пателя от страданий.

Ковальски расхаживал за спинкой дивана, возле балконных дверей, чтобы меньше досаждать присутствующим запахом дыма своей сигары.

– Прошу прощения, – буркнул он. – Может, и не стоило обращаться с ним так жестко, но он стоял у меня на пути. – Ковальски без тени сожаления пожал плечами. – И потом, разве вы, ребята, не обязаны носить отличительные знаки, типа особых беретов или что еще там у вас?

– Только не при выполнении задания. Наша команда всегда работает под прикрытием, – пояснил Олден. – Вчетвером… вернее, теперь уже втроем.

Пателю сделали укол морфина, и он спал в соседней комнате; позже его должны были эвакуировать, ведь нога сломана. На диване рядом с капитаном разместились два других его сотрудника – женщина-индуска, она же майор Бела Джейн, и темнокожий жилистый боец по имени майор Стюарт Батлер.

Грей решил перевести беседу в нужное русло:

– Буду страшно признателен, капитан Олден, если вы поможете нам узнать, куда могли отвезти дочь президента.

– Благодарность – это не обязательно. Мы получили приказ и готовы предоставить вам свои услуги. – Олден поморщился, затем аккуратно поставил чашку на поднос. – Прошу прощенья. Я не хотел отвечать столь формально. У меня у самого растет дочь. И если бы ее похитили…

Олден подался вперед и протянул Грею руку.

Тот ответил на рукопожатие и обнаружил, что рука у капитана крепкая, а ладонь сухая.

– Сделаем все, что в наших силах, – пообещал Олден.

Грей понял, что этот человек начал ему нравиться. Если отбросить столь характерную для британцев чопорность, он вполне даже ничего. Один тот факт, что ему удалось взять Сейхан, говорил о многом.

Однако сама Сейхан, сидевшая скрестив руки на груди и теребящая серебряную подвеску в виде крохотного дракончика перевязанным пальцем, похоже, не разделяла его мнение о капитане СРП. В отличие от него, майор Джейн не сказала за все это время ни слова, сидела выпрямив спину и с непроницаемым лицом. У этой женщины, подумал Грей, голова, должно быть, до сих пор раскалывается от боли – ей сильно досталось, особенно рукояткой пистолета от Такера.

Не самый лучший способ приобрести себе союзников.

И все же они должны, просто обязаны выработать способ взаимодействия.

– Вам удалось хоть что-нибудь узнать о местонахождении этой молодой женщины? – спросил Олден. – Где их яхта пристала к берегу? Кто схватил ее?

– Совсем немного.

И Грей вкратце пересказал ему разговор с Амуром Махди и описал сражение, состоявшееся на стройплощадке. Капитан всего этого не знал, и Грей был рад просветить его на этот счет. Затем он подошел к столу и развернул топографическую карту Сомали.

– Мы знаем только то, – начал Грей, – что ее, скорее всего, отвезли вот сюда, в горы.

– Но здесь практически неизведанные земли. Джунгли, пропасти, пещеры… Можно провести годы – и обследовать по полной программе лишь десять из этих вершин.

– Ждем, какие данные предоставит нам спутник НУВКР, траекторию полета которого изменили, чтобы обследовать береговую линию в поисках пиратского судна.

– Все равно что искать иголку в стоге сена, – заметил Олден и мрачно покачал головой. – И потом, они регулярно меняют местоположение своих лодок. Даже если вы увидите ее на снимке со спутника, это вовсе не означает, что она сейчас там.

Грей не мог с ним не согласиться. Закрыл глаза и проиграл в памяти разговор Амура со своими людьми. Не без веских причин члены этой группы замолчали уже навсегда. Где-то должен быть ключ к разгадке, какая-то полезная информация.

А потом он вдруг вспомнил и резко выпрямился. Несколько строк из этого разговора все же отложились в памяти.

Друг моего троюродного дяди живет неподалеку от Эйла; так вот, он говорит, что белую женщину недавно провозили через его деревню. Говорит, что направлялись они в горы.

Грей открыл глаза и уставился на карту.

– Кто-нибудь знает городок под названием Эйл?

Олден кивнул, продолжая изучать карту береговой линии.

– Да, небольшой такой городок, пристанище пиратов. – Палец его уперся в точку на карте. – Вот здесь, рядом с этой глубокой бухтой.

– Один из людей Амура слышал о белой женщине, заложнице, которую провозили через эту деревню. Если мы отправимся в этот город…

Но Олден тотчас его перебил:

– Да вас тут же пристрелят, вот и все. И даже если вам удастся остаться в живых, все равно никто ничего вам не скажет. Любого, кто только раскроет там рот, ждет смертный приговор.

Перед глазами Грея возникла мрачная картина – погибает последний из людей Амура.

Однако Олден вовсе не собирался опускать руки.

– Если они отправились в горы прямо из Эйла, круг поисков значительно сужается. – Он указал пальцем. – Предлагаю вам позвонить своему директору и попросить его переориентировать спутник. Судно искать не надо, нужны снимки вот этой горной местности.

И он обвел на карте квадрат кончиком пальца.

– Но здесь сотни квадратных миль, – заметил Грей.

– Верно.

– А как насчет инфракрасного сканирования? – спросил Такер. – Если спутник сможет определить места скопления тепловых излучений, это ведь наверняка сузит круг поисков…

– Возможно. Но поскольку летом здесь стоит жара, даже скалистые вершины сохраняют много тепла и не остывают за ночь. – Олден еще ниже склонился над картой. – Но, кажется, у меня есть идея получше.

– Какая?

Олден улыбнулся и покосился на закрытую дверь в спальню.

– Я только что понял, как можно с выгодой использовать нашего беднягу, майора Пателя.

Глава 9

1 июля, 04 часа 55 минут по восточному поясному времени Вашингтон, округ Колумбия

Пейнтер сидел у себя в офисе, сражаясь с зубодробительной головоломкой. С утра, после совещания у президента, он не выходил из этого кабинета без окон в штаб-квартире «Сигмы», расположенной глубоко под землей, под зданием Смитсоновского института[11], и при этом – буквально в нескольких шагах от коридоров власти, лучших научных заведений страны, этого средоточия лучших умов нации.

Чуть раньше он получил видеозаписи из Сомали, прослушал и аудиозаписи. Не оставалось ни малейших сомнений в том, что Амура Махди устранили, чтобы тот замолк раз и навсегда. ЦРУ уже подняло шум по поводу убийства одного из своих местных осведомителей, хотя и дураку было ясно, что Амур вел двойную игру и просто попал в жернова между двумя враждующими силами, которые его и перемололи.

И все же устранение Амура служило еще одним доказательством того, что за похищением Аманды Гант-Беннет стояло нечто большее, чем просто пиратство. Теперь Пейнтер был в этом уверен.

Но что именно стояло?

Очевидно одно – выбор пиратов не случаен. И это, безусловно, заказ. Ни одна из местных террористических групп не взяла на себя ответственности за похищение, все словно воды в рот набрали. Да если б у них в руках оказалась дочь американского президента, они бы раструбили об этом на весь мир.

Так что за непонятная игра там ведется?..

Пейнтеру никак не удавалось избавиться от ощущения, что к похищению Аманды имеет какое-то отношение «Гильдия». Возможно, некая преступная организация использовала женщину как пешку в игре, с целью оказать давление на клан Гантов – но Ганты всегда сами были кукловодами, действуя под прикрытием «Гильдии».

Пейнтер колебался – он видел неподдельный страх в глазах президента, видел горечь и страдание в каждом движении первой леди, когда та обнимала своего мужа в коридоре. Даже старший брат Ганта, госсекретарь, похоже, был искренен в своем намерении непременно найти Аманду.

Но это еще вовсе не означало, что к похищению не имеют отношения другие члены семьи.

Кроу поднял глаза на огромный монитор компьютера, установленный на письменном столе, и, двигая мышкой, начал проходить по длинному списку имен. Все они были соединены между собой стрелочками с ответвлениями и перекрещивающимися линиями, обозначавшими семейные узы: браки и рождения, даже измены и незаконнорожденное потомство. Настоящая карта, разветвленное генеалогическое древо Гантов, насчитывающее больше двух веков; даже не древо, а скорее матрица. И связи здесь были настолько сложны и запутанны, что потребовалось создать трехмерную компьютерную диаграмму.

И вот, двигая мышью, Пейнтер начал медленно вращать эту матрицу, спиралеобразную галактику власти и влияния, образовавшуюся еще до основания этой страны и до сих пор так и не завершенную. На него работали историки и специалисты по генеалогии из разных стран мира, по кусочкам собирали эту огромную головоломку – проект, разумеется, сохранялся

[11] Научно-исследовательский и образовательный институт в США и принадлежащий ему комплекс музеев.

в тайне, – надстраивали по кирпичику это огромное разветвленное здание древнего клана, копали вширь и вглубь. Кроу сомневался, что до него кто-либо когда-нибудь проводил столь сложный и исчерпывающий анализ клана Гантов.

Он также заметил линии, пересекающие эту матрицу и выходящие за ее пределы, – то были дальние родственники, троюродные братья и сестры, через браки снова попавшие в семью, – не столь уж редкое явление в старинных аристократических семьях. Казалось, что проходило поколение за поколением, но никто не хотел отходить от этого источника богатства и власти.

И что за источник то был!..

Пейнтер уже потерял счет изобретателям, ученым, государственным деятелям, богачам и промышленникам, блиставшим, точно яркие звезды, среди других членов клана. Уже не говоря о разного рода мошенниках и персонах с подмоченной репутацией.

Но, как говорится, в каждой семье не без урода.

Он хмуро смотрел на экран, видел слабое свое отражение в верхней части матрицы. Неужели «Гильдия» прячется где-то здесь или же все это пустая погоня за призраком?

И вот Пейнтер нашел папку с изобразительным материалом и вывел на экран символ, вернее, целый ряд символов.

То был герб «Гильдии». В центре крохотный полумесяц и звезда. Один из старейших символов в мире, он уходил своими корнями к тайному обществу Древнего Египта. Вокруг него – уже более знакомые знаки, квадрат и компас; они использовались еще одним тайным братством, масонами. И, наконец, окружал все эти знаки щит рыцарей-тамплиеров, средневекового ордена со всеми своими темными и еще не разгаданными тайнами.

Тайна во всех тайных обществах, – прошептал Пейнтер, повторяя последние предсмертные слова одного из членов «Гильдии». Вот в чем значение этого собрания символов. Они обозначали путь, проделанный «Гильдией», и следы этого пути терялись в далеком и темном прошлом.

Тот же умирающий человек подозревал о существовании еще каких-то уровней и связей – с другими тайными обществами, помимо тех, что были отображены на гербе. Он понимал, что тайны эти перешли в современность, привели, в конечном счете, к тому, что сам он называл «истинными кровными узами», породившими нынешних настоящих властителей «Гильдии».

– Одна семья, – пробормотал Пейнтер, не сводя глаз с генеалогического древа клана Гантов.

Чтобы пережить трудные времена, «Гильдия» укрывалась по очереди среди вновь возникающих тайных обществ. Тогда что же получается? Он видит перед собой ту же уловку? Неужели истинное сердце этой тайной организации спрятано, похоронено где-то среди широты и величия этой семейной династии?..

Но если так, то сколько же их, настоящих членов «Гильдии», в клане Гантов?

Кроу изучал трехмерную карту, понимая, что упустил из вида нечто важное, бросающееся прямо в глаза. Но чем бы оно там ни было, сообразить никак не удавалось.

Стук в дверь прервал его размышления. На пороге возникла высокая женщина с темно-рыжими волосами в синем форменном платье. Пейнтер стукнул по клавиатуре, и изображение генеалогического древа Гантов исчезло с экрана. Оно предназначалось только для его глаз.

– Кэт, – сказал он и жестом пригласил ее войти.

Капитан Кэтрин Брайант была его помощницей, второй рукой; она отвечала за сбор информации для «Сигмы». И Пейнтер посвятил все свое внимание событиям в Сомали.

– Ну что, британцы немного остыли после этой заварушки в Босасо?

– Это вряд ли. Хотя СРП согласился держать ситуацию под контролем и предоставить нам свою помощь.

– Уже хорошо.

– Но я к тебе не за этим, – сказала Кэт. – Привела кое-кого. Думаю, обрадуешься.

Она отступила в сторону, и из-за угла с игривой улыбкой выглянуло знакомое лицо в обрамлении золотистых волос.

– Лиза! – радостно воскликнул он, вскочил и, обогнув стол, бросился к ней. – Я думал, ты до вечера не вернешься.

В кабинет вошла доктор Лиза Каммингс, одетая в джинсы и просторную светло-голубую блузку. Похлопала себя по запястью.

– Как думаешь, сколько сейчас времени?

Как обычно, день пролетел для него незаметно, но с появлением подруги Пейнтер не намерен был пропускать ни секунды. Крепко обнял ее, поцеловал в щеку, почувствовал, что снова ожил, что все снова на своих местах.

Она приникла к нему, разделяя эти чувства.

– Господи, до чего ж хорошо оказаться дома!

Они не разжимали объятий еще несколько секунд, потом отодвинулись друг от друга, но продолжали держаться за руки. Лиза уезжала на неделю, на медицинский симпозиум. Только сейчас Пейнтер понял, как отчаянно скучал по ней.

Он подвел ее к одному из кресел и, не выпуская ее руки из своей, усадил в него.

– Слышала о дочери президента, – печально сказала Лиза. – Помню ее, мы встречались несколько месяцев назад на одном из официальных приемов в Белом доме. Как раз тогда она узнала, что беременна.

– Кстати, о птичках, – вмешалась Кэт и уселась в другое кресло. – Директор, вы просили меня собрать информацию о беременности Аманды.

Пейнтер сел на письменный стол. У него имелось полное досье на дочь президента, но почти ничего – на ребенка, которого она носила под сердцем. Он хотел знать все досконально. Потому как во всем этот деле было нечто странное – чего стоило одно это путешествие к Сейшельским островам по поддельным документам. А потом еще и похищение… Кроу твердо вознамерился не упускать ни одной детали.

– Ну, прежде всего, этот еще не рожденный ребенок не от мужа, – начала Кэт.

Пейнтер удивленно приподнял брови. Это новость!..

Кэт принялась объяснять:

– Мак Беннет прошел обследование, оказался бесплодным, и потребовались донорская сперма и искусственное оплодотворение.

– Интересно… – пробормотал Пейнтер и тут же начал размышлять над этой новой информацией, прикидывать различные возможности и варианты. *Может, мотив кроется именно здесь?*

– Где это произошло? – спросил он.

– В клинике искусственного оплодотворения в Южной Каролине, неподалеку от Чарльстона. Я проверила. Крутое заведение. Использует сложнейшие и самые современные технологии. Список клиентов широчайший.

– Ну а донор спермы?

Кэт покачала головой.

– Строго конфиденциальная информация.

Пейнтер ненавидел эти обрубленные концы – они, как правило, заводили в тупик.

Кэт по его лицу поняла, о чем он думает.

– Ну, могу сделать несколько звонков, но без ордера, выданного судом…

Пейнтер покачал головой.

– Легальный путь для нас не выход. Все встрепенутся, посыплются вопросы о местонахождении Аманды… Слишком рискованно.

– Уже не говоря о том, что это противозаконно, это вторжение в ее интимную жизнь, – напомнила ему Лиза.

– Да и потом, ребенок тут ни при чем, – добавила Кэт.

Пейнтер скрестил руки на груди – в последнем он был далеко не убежден.

– Аманда улетела на Сейшелы всего за пару недель до родов. Путешествовала под чужим именем, точно убегала, пряталась от кого-то. Или же кого-то защищала.

– Думаешь, своего ребенка? – спросила Кэт. – Но почему?

– Не знаю. Но кое-какие ответы можно найти в клинике.

– Пошлю туда команду, пусть расследуют.

– Или же я могу пойти, – предложила Лиза. – Я как-никак доктор медицины. А профессиональная солидарность… проще открывает двери, нежели рейд коммандос.

Пейнтер плотно сжал губы. Лиза много раз помогала «Сигме» в прошлом. И ее медицинский опыт, особенно во всем, что касается беременности Аманды, может оказаться весьма полезным. Кэт наверняка это понимает, поэтому и притащила ее сюда. Кроу признавал, что предложение Лизы не лишено смысла, но ему страшно не хотелось подвергать ее опасности.

– Я могу ее сопровождать, – вызвалась Кэт. – Ну, допустим, притвориться очередной клиенткой.

– Но у тебя дома двое. Новорожденный младенец, а старшая еще только начала ползать.

– И еще имеется муж, у которого полно свободного времени, – возразила она. – Ничего, Монк вполне в состоянии присмотреть за Харриет и Пенелопой пару дней.

Монк Коккалис, ее супруг, служил оперативным агентом в «Сигме», а затем подал в отставку, чтобы проводить больше времени с семьей. К тому же во время выполнения заданий он много раз оказывался на грани провала – это и было основной причиной отставки.

– Не думаю, что твой муж будет в восторге, узнав, что ты отправилась на передовую, – заметил Пейнтер.

– Можно подумать, я отправляюсь на край света, – возразила Кэт. – Всего-то на денек-другой.

Лицо Кэт выдавало ее. В глазах танцевал огонек, ей явно не терпелось заняться настоящим делом. После двух беременностей подряд капитану Брайант явно хотелось проветриться, размять ноги. Сейчас в штаб-квартире «Сигмы» она занималась исключительно бумажной работой, пусть и очень полезной, но в глубине сердца всегда была бойцом. Кэт не успела окончить Военно-морскую академию США и теперь в ранге капитана просиживала в офисе весь день. Пейнтеру не следовало забывать об этом. И он кивнул:

– Ладно. Закажем вам билеты на завтра, на утренний рейс.

Кэт так и расплылась в улыбке и покосилась на Лизу; та тоже заулыбалась.

Только теперь Пейнтер догадался. С самого начала все это было игрой: две дамочки сговорились заранее и добились своего. Но вместо того, чтобы разоблачать и упрекать их, он смирился с неизбежным.

– Пошли ко мне в кабинет, – предложила Кэт Лизе. – Надо привести в порядок все дела перед отъездом.

Лиза встала, чмокнула Пейнтера в щеку и двинулась следом за Кэт. Правда, в дверях приостановилась, обернулась и одарила его многообещающей улыбкой.

– Увидимся вечером.

Пейнтер проводил их взглядом. Приятное зрелище, обе хороши. Но лишь женщины скрылись из вида, он снова со всей силой ощутил тяжесть груза, павшего ему на плечи.

Кроу вернулся к файлам на столе и достал из папки верхний снимок. Последний снимок Аманды. Она сидела рядом с мужем, поддерживая одной рукой живот, гордая и счастливая.

Пейнтер всмотрелся в фотографию и вдруг впервые за все время заметил огонек страха в ее глазах. Страх читался и в позе, в том, как она тесно прижалась к мужу, словно ища у него защиты. Даже рука, вцепившаяся в запястье Мака, передавала этот нерв.

Чего же ты так боялась, а, Аманда?..

23 часа 59 минут по восточноафриканскому времени
Горы Кал-Маду, Сомали

Игла с анестезирующим средством вонзилась в живот Аманды. Место укола ожгло как огнем, но ощущение это быстро прошло. Она впилась пальцами в тонкие простыни больничной кровати. Но отворачиваться не стала, хотела видеть все.

Больничный халат ей задрали, обнажив огромный живот и сильно выступающий пупок. Нижнюю часть тела прикрывала тканевая ширма – но вряд ли они хотели пощадить ее чувства.

– Ну, все, скоро онемеет, и она не будет чувствовать ничего, – сказала высокая белокурая женщина, выбрасывая шприц в красный контейнер. В говоре ее слышался немецкий акцент, а может, швейцарский.

– Спасибо, Петра. – Англичанин похлопал Аманду по руке. Как и на медсестре, на нем был больничный халат, но только не голубой, а старомодный, ослепительно-белый. – Через несколько минут мы закончим, и сможете отдохнуть, поспать. Знаю, день выдался тяжелый.

И парочка удалилась – заканчивать последние приготовления к процедуре.

Аманда осталась ждать в постели – выбора у нее не было. Тихонько погладила живот, словно успокаивая себя и ребенка. Потом заметила свисающие с поручней кожаные ремни. И испугалась – эти двое не озаботились привязать ее. А это могло означать лишь одно – непоколебимую их уверенность в надежности охраны.

Она смотрела на ультразвуковой монитор; пока тот был темный, словно ждал, когда его начнут использовать в процедуре. Они уже провели ей сканирование брюшной полости – сразу по прибытии сюда, установили положение плода, измерили череп младенца и длину его тела. Аманда не сопротивлялась. Ей, как и этому доктору, хотелось знать как можно больше о состоянии ребенка.

В самом конце она испытала огромное облегчение – увидела, как бьется его крохотное сердечко, увидела маленькие сжатые кулачки, его плавные, словно замедленные, движения. После изучения сонограммы врач объявил, что здоровье мальчика в полном порядке.

Однако ее состояние врачей, судя по всему, не интересовало.

В палату вернулся доктор Блейк. За ним вошла Петра с подносом; на нем лежал большой шприц с длинной, дюймов в пять, иглой. Аманде уже проводили амниоцентез[12] восемнадцать недель тому назад, и она знала, чего ждать.

Петра смазала ей живот антисептиком, затем включила ультразвуковой аппарат и протянула шприц доктору Блейку. Не сводя глаз с монитора, тот погрузил иглу в живот. Боль была незначительная, сравнимая со спазмами во время менструации.

Аманда отвернулась от монитора, когда кончик иглы приблизился к спящему ребенку. Наблюдать за этим она была не в силах. Одно неверное движение – и повреждение может оказаться смертоносным.

Однако все прошло хорошо.

Часть околоплодных вод умело откачали из-под оболочки вокруг ее малыша, иглу вытащили. И Аманда, старавшаяся не дышать, смогла наконец вдохнуть полной грудью. Глаза застилали слезы.

– Надо проверить на наличие лихорадки, – сказал доктор Петре. – Ну, и проследить за тем, нет ли вагинального кровотечения.

Петра кивнула.

Доктор Блейк обернулся к Аманде.

– Нет причин лить слезы. По крайней мере, пока. Результаты генетических тестов мы получим только завтра утром.

Первая процедура амниоцентеза была чистой формальностью – тогда плод Аманды проверяли на наличие различных хромосомных отклонений типа синдрома Дауна, а также генетических нарушений вроде фибрознокистозной дегенерации[13]. Но она знала, что врачи ищут не только это, но и нечто другое – и тогда, и сейчас.

Информация, заставившая ее столь поспешно покинуть Штаты, предупреждала о том, что ребенок ее отличается неким генетическим отклонением, о котором другим остается лишь мечтать. Аманда не слишком разбиралась в этих вопросах, однако сообразила: надо бежать прежде, чем за ее ребенком придут.

Блейк меж тем продолжил:

– Если генетика стабильна, ваш младенец будет жить. И станет первым таким младенцем на земле. Если нет… что ж, не будем же мы раньше времени поднимать панику, верно?.. – И отечески похлопал ее по руке.

---

[12] Амниоцентез – инвазивная процедура, заключающаяся в пункции амнотической оболочки с целью получения околоплодных вод для последующего исследования.

[13] Фиброзно-кистозная дегенерация – нарушение выработки белка в организме плода.

Даже если результаты будут стабильны, Аманда знала об ужасных последствиях, поджидавших ее ребенка. А если нет – эта команда, скорее всего, вызовет преждевременные роды. И ее малыш погибнет.

Она повернулась лицом к стене, не зная, какой из результатов предпочтительней. На что надеяться утром?.. Нащупала рукой живот, и из глаз потекли слезы. Но в одном Аманда была точно уверена. Она будет бороться за своего малыша до последнего. Сама умрет, но защитит свое дитя.

Не позволю им причинить тебе вред.

Через полотняную стену палатки просвечивало пламя костра, на этом оранжевом фоне выделялась тень красного креста, который она видела ранее. До чего же причудливая, необычная, ни на что не похожая резьба украшала его, изгибалась, вилась и сплеталась в сплошной неразрывный узор на стойке и перекладине. Лишь теперь – после амниоцентеза, после всех этих треволнений по поводу генетических аномалий – Аманда вдруг поняла, догадалась, что это за структура.

Это же спирали ДНК!

Генетический код.

Аманда вздрогнула, сама себе не веря. А потом вся так и похолодела. Она никогда не видела этот крест прежде, но слышала, как перешептывались об этом символе, о связанной с ним тайне, уходящей в глубину веков, поясняющей, с кого начался ее род. О тайне, которую хранят только в своем сердце.

Она всегда считала это мифом, страшилкой для детей. Но теперь отрицать ужасающую правду не было никакого смысла. То был код, зашифрованная записка с предупреждением, заставившим ее в страхе отправиться в безрассудное путешествие на Сейшелы.

«Линия крови».

Они нашли меня.

Глава 10

2 июля, 10 часов 12 минут по восточноафриканскому времени В воздухе над Сомали

Грей поправил большие неудобные наушники, борясь с ревом, который производила винтокрылая машина. А потом посмотрел в окно, туда, куда указывал капитан Олден.

– Вон там, смотрите! – крикнул британец, офицер СРП.

Вертолет низко летел над опаленными солнцем полями, красными обломками горных пород; изредка попадались островки низкорослых деревьев. Целые стада антилоп разбегались в разные стороны, напуганные гулом вертолетного двигателя. В отдалении в утреннее небо вонзался горный хребет, ломая линию горизонта, превращая ее в неровную зигзагообразную полосу. Но до гор этих медицинскому транспортному вертолету было не долететь.

На пересечении двух каменистых дорог раскинулся огромный лагерь из палаток и хижин – именно на него и указывал Олден. На крышах многих палаток красовались красные кресты. А вокруг были припаркованы машины – обычные легковые, грузовики и джипы наблюдателей от ООН; они рассыпались по полям среди пасущихся там верблюдов.

Это был лагерь по оказанию медицинской и гуманитарной помощи и поддержки местному населению, организованный ЮНИСЕФ и управляемый французской организацией под названием «Mйdecins Sans Frontiиres», в Штатах ее называли «Врачи без границ». Он раскинулся под прикрытием двух холмов, на полпути между горами и океаном, и служил перевалочным пунктом для тех, кто жил в самом сердце континента и на побережье.

В задней части кабины вертолета послышался стон, и Грей обернулся. Там на полу лежал прикованный к носилкам майор Патель – видимо, действие морфина ослабевало после часового перелета из аэропорта Босасо в эту глубинку. Местные французские врачи наверняка приведут его сломанную берцовую кость в надлежащий вид, а затем отправят долечиваться в Европу.

Но прилетели они сюда не только за этим. Состояние Пателя было лишь прикрытием, предлогом для путешествия.

Олден придвинулся к Грею поближе, но говорил через микрофон.

– Есть у меня тут свой человек, ждет нашего прибытия. И если в лагере хотя бы словом упоминалось о том, что через него провозили похищенную женщину, он непременно все выяснит.

Грей кивнул и покосился на Такера и Сейхан. Ковальски сидел впереди, рядом с майором Батлером, который управлял вертолетом.

В целом план был неплох. Лагерь раскинулся вблизи гор Кал-Маду. На сотни миль кругом – практически безлюдная местность, а на пересечении двух этих главных дорог Сомали любой мог найти себе приют, будь то торговец, путешественник или просто бродяга. Люди приходили сюда за медицинской помощью; одни оставались, другие отправлялись дальше. Именно поэтому лагерь стал важным, стратегическим источником информации. Так что неудивительно, что СРП внедрил сюда своего человека.

И если действовать осторожно, то команда Грея имела все шансы узнать о местонахождении Аманды или же, по крайней мере, сузить круг поисков. Пейнтер же из округа Колумбия координировал спутниковое сканирование окрестных гор. Так что глаза у них были не

только на земле, но и на небе, а потому они надеялись еще до наступления темноты определить местонахождение Аманды.

У окон вертолета завихрился песок, поднятый винтами при приземлении. Последний, выворачивающий душу наизнанку толчок – и вот они уже на земле.

Олден распахнул двери кабины. Внутрь ворвались жар и песок, рев моторов стал стихать. Все вышли из вертолета. Новоприбывших встречала команда из четырех медицинских работников – они тут же бросились выгружать из машины майора Пателя, осторожно спустили носилки и понесли их к поджидавшему джипу. Раненого товарища сопровождал майор Батлер; именно он должен был проследить за тем, чтобы Пателю было обеспечено должное лечение, а заодно распространить слух о том, что их группа состоит из сотрудников, оказывающих гуманитарную помощь.

Такер похлопал своего пса по спине, говоря ему тем самым, что долгое и шумное путешествие закончилось.

Ковальски хмуро оглядел унылый пейзаж.

– Всего раз… хотя бы один разок… можно было приземлиться на пляже, где разгуливают девочки в бикини, где подают напитки в скорлупе кокосов?

Сейхан, не обратив внимания на эти его слова, подошла к Грею и встала рядом.

– Что дальше?

– Сюда! – позвал Олден.

Он указал рукой на скопление хижин с крышами из пальмовых листьев и зашагал по песку в сопровождении последнего члена британской команды от СРП, майора Белы Джейн.

Они пересекли парковку, где пылились насквозь проржавевшие грузовики, скелетообразные джипы без крыш и разбитые мотоциклы. Все это хозяйство находилось под охраной старого автомобиля «Даймлер Феррет Скаут», выкрашенного в белый цвет, с синей эмблемой ООН. Машина эта походила на мини-танк – кабина бронированная, наверху укреплен бельгийский пулемет «L7». Привалившись спиной к кузову этого грозного сооружения, стоял солдат-миротворец ОНН; он окинул их подозрительным взглядом, когда они проходили мимо.

Олден заметил удивление Грея.

– Такие лагеря, как этот, необходимо охранять. На них часто устраивают налеты банды из местных, приходят за таблетками, даже за водой. Этот регион просто преследуют засухи, люди голодают и умирают. Многие перебираются поближе к океану или же, напротив, уходят в горы.

Они дошли до хижин и увидели врача-француза; тот сидел на корточках перед целой толпой выстроившихся в шеренгу сомалийских детишек. Медсестра приготовила шприц и протянула его доктору; тот вонзил иглу в костлявую ручку мальчика, который был первым в очереди.

Грей читал, что гражданская война на юге этой страны заставила сотни тысяч мирных жителей с детьми сняться с насиженных мест, покинуть свои дома; мало того, война вызвала эпидемии холеры, дизентерии и гепатита. Однако программа вакцинации против кори и полиомиелита, наряду с применением простых противоглистных препаратов и витаминов, помогла спасти множество молодых жизней.

– Вот тот самый человек, о котором я вам говорил, – сказал Олден, указывая на доктора. – Он осведомлен обо всем, что происходит в лагере и вокруг, ничего не пропускает мимо ушей. Он великий человек, верный друг и помощник.

Грей рассматривал доктора-француза, мужчину средних лет в очках с толстыми линзами и обгоревшими на солнце ушами и носом. Казалось, подумал он, такой человек не должен был бы замечать, что творится вокруг. Чутье его не подвело.

– Бааши! – крикнул Олден и, махнув рукой, шагнул к группе у хижины.

Его осведомитель, темнокожий мальчик, болезненно поморщился: как раз в этот момент игла вошла в руку. Затем поблагодарил доктора по-французски:

– Мерси. – Опустил рукав рубашки и обернулся. – А, мистер Тревор. Вы прибыли!

– Так это он ваш информатор? – растерянно и неодобрительно пробормотал Ковальски. – Сколько ему? Лет четырнадцать?

– Вообще-то тринадцать, – тихо заметила майор Джейн и посмотрела на своего командира; во взгляде ее светилось восхищение. – Капитан Олден спас этого мальчика от группы мусульманских повстанцев неподалеку от Могадишо. Он стал сыном полка. В ту пору ему было всего одиннадцать, накачан амфетамином, озлоблен, по всему телу шрамы – его прижигали окурками сигарет.

Сердце у Грея сжалось при виде того, как лицо мальчишки расплылось в широчайшей улыбке, а затем он бросился к капитану Олдену, опустившемуся на одно колено, и крепко-крепко обнял его. Проявленная им искренняя радость как-то совсем не сочеталась с ужасами, которые только что описывала майор Джейн.

Олден обнял своего юного друга за худенькие плечи и повел к своей группе.

– Вот, Бааши, хочу познакомить тебя с этими людьми.

Мальчик улыбнулся, оглядел незнакомцев; от внимания Грея не укрылся страх, на миг промелькнувший в его глазах. Он еще крепче прижался к Олдену. Видимо, сказывалась пережитая им травма.

Тут к нему стала приближаться собака Такера – наверное, хотела добавить еще один новый запах к своей коллекции. Глаза у Бааши испуганно расширились. А затем он еле слышно пискнул:

– Ай!..

– Каин, ко мне! – скомандовал Такер, видя страх мальчика.

Пес послушно вернулся к хозяину.

– Лежать, – Такер сопроводил эту команду жестом, опустив раскрытую ладонь к земле. Затем встал на одно колено рядом с собакой и сказал Бааши: – Он тебя не обидит, не бойся. Честное слово. Он очень хороший и умный пес.

И протянул руку, призывая мальчика подойти поближе.

Но Бааши так и застыл рядом с Олденом.

– Оставь ребенка в покое, – вмешалась Сейхан. – Сам видишь, он боится собак.

Ковальски буркнул что-то в знак согласия, даже Джейн смотрела встревоженно. Но Такер проигнорировал все эти замечания и продолжал протягивать руку к Бааши.

Сейхан покосилась на Грея в надежде найти у него поддержку. Но тот отрицательно помотал головой, помня о незаурядных качествах Такера. Им немало довелось пережить вместе. И он знал о его сверхъестественной способности интерпретировать эмоциональное состояние других людей. Уэйн понимал не только животных.

Похоже, что и Олден, испытывающий особую привязанность к этому ребенку, разделял стремление Такера. И сказал:

– Все нормально, Бааши. Если хочешь…

Мальчик, слегка склонив голову набок, смотрел на пса еще секунду-другую, словно погрузился в давние воспоминания о раннем и давно потерянном детстве, о прикосновениях к чему-то пушистому и теплому. И вот наконец отошел от Олдена, дрожа всем телом и по-прежнему не сводя глаз с Каина.

– Он хорошая собака?

Такер кивнул.

Бааши медленно и осторожно приближался к ним, точно к краю бездонной пропасти.

Каин так и замер в настороженной позе, лишь кончик хвоста слегка подрагивал от возбуждения. Бааши протянул к собаке руку тыльной стороной ладони. Кончик носа у Каина задвигался, ноздри расширились – он принюхивался.

Бааши приблизился еще на дюйм – и этого оказалось достаточно. Длинный розовый язык принялся облизывать пальцы мальчика. Хвост, как маятник, качался из стороны в сторону.

– А ты ему понравился, – тихо сказал Такер.

Бааши снова заулыбался – сперва еле заметно, потом уже во весь рот, – придвинулся еще ближе и коснулся головы Каина. Теперь нос собаки усердно обнюхивал всю его руку.

Бааши захихикал и сказал что-то на сомалийском диалекте.

– Щекотно, – перевел Олден.

Через секунду мальчик уже сидел на земле, зарывшись руками в густую шерсть собаки и пытаясь увернуться от влажного розового языка. Грей удивленно наблюдал за этой сценой – он помнил вчерашнее яростное нападение Каина на коммандос – и одновременно пытался представить себе этого мальчика с винтовкой через плечо. Эти два таких разных существа – собака и мальчик – оба были воинами. И, возможно, Такер понимал, что их жесткость и стойкость должны как-то компенсироваться моментами веселья и игры, во время которых и вырабатывается доверие друг к другу.

Олден подошел к Грею.

– Бааши постепенно приходит в себя. Здесь, на базе, умеют работать с такими детьми. Пытаются вылечить его, избавить израненную душу ребенка от кошмаров прошлого, которые до сих пор преследуют его. – Он не сводил глаз с Бааши и собаки, потом посмотрел на Такера. – А с вами работает просто прекрасный человек.

И Грей был вынужден с ним согласиться.

Такер отошел в сторону, стоял и задумчиво смотрел на далекие горы. Еще в Босасо Грей убедился, как слаженно работают проводник и его собака; до сих пор он дивился тому, как пастушьему псу удалось распознать запах крови Сейхан среди миллиарда городских запахов и вывести их на след. А что, если, вдруг подумал Грей, отправить эту дружную парочку в горы; может, им удастся проследить, где находится Аманда, и уже затем сообщить своим по рации? Но на это может уйти много дней… А он чувствовал, что этого времени у дочери президента нет.

10 часов 34 минуты по восточноафриканскому времени Горы Кал-Маду, Сомали

Аманда услышала за стенами палатки крики и поняла: что-то происходит. Потом заурчали, зашлись в кашле моторы тяжелых машин – все это сопровождалось выкрикиванием команд.

В палатку ворвался солдат-африканец, что-то сказал доктору Блейку, развернулся на каблуках и вышел. Блейк пересек палатку по диагонали и скрылся за ширмой, где, как догадывалась Аманда, стояла еще одна кровать. Там же мелькнула тень его медсестры. Они стояли за ширмой и о чем-то перешептывались.

Аманда силилась расслышать. Если бы можно было тихо подняться с кровати, незаметно подойти и подслушать, она бы непременно сделала это. Но в ее нынешнем состоянии незаметно не получится. Любопытство ее было продиктовано еще одной причиной. Там, за ширмой, на больничной койке отчетливо вырисовывались очертания человеческой фигуры.

Кто же там лежит? Раненый солдат? А может, заболел кто-то из сотрудников этого импровизированного госпиталя? Кто бы он ни был, этого человека привезли сюда и уложили

за ширмой посреди ночи, когда она спала. И проснулась от какой-то возни – врачи и медсестра так и сновали, так и суетились вокруг нового пациента, занимаясь исключительно им.

Аманда поняла только одно: это женщина. В какой-то момент из-за ширмы послышался слабый вскрик, и голос был явно женский. Но с тех пор – ни единого звука. Очевидно, больную усыпили.

Но вот наконец Блейк возник снова и направился к Аманде с медицинской картой в руке; очевидно, прочел на ее лице беспокойство.

– Вы тут совершенно ни при чем, дорогая. – Взмахом руки он указал за пределы палатки. – Просто кто-то расспрашивал людей, пытался узнать о вашем местонахождении. Практически стучался в дверь.

Надежда загорелась в глазах Аманды, и ребенок, словно почувствовав это, начал сильно толкаться.

– Тс-с, – прошептала она, поглаживая себя по животу.

Аманда путешествовала по поддельным документам, а потому страшно боялась, что никто не узнает, что именно она была мишенью того ночного нападения на яхту у Сейшельских островов. Она избегала смотреть на большой красный крест с изображением генетических кодов, поскольку уже знала правду. Пиратское нападение и похищение было совершено не наугад. Оно было тщательно спланировано и исполнено.

И вот теперь… Значит, кто-то все же пытался спасти меня?

И тут ее словно обдали холодным душем.

– Но с ними разделались довольно быстро, – сказал Блейк; теперь он смотрел ей прямо в глаза. – Мы не допустим, чтобы нам помешали. Особенно когда у нас такие хорошие новости.

Аманда сразу все поняла, взглянув на карту у него в руке.

– Вы получили результаты анализов.

Блейк перелистал пару страниц и нашел нужное место.

– Вашего младенца проверили вдоль и поперек. Генетические показатели стабильны. Даже лучше, чем мы рассчитывали. – Он улыбнулся ей. – Вы, дорогая, произведете на свет настоящее чудо.

11 часов 42 минуты по восточноафриканскому времени Лагерь ЮНИСЕФ, Сомали

Сейхан вошла следом за Греем в одну из хижин в дальнем конце госпитального блока. Ковальски и майор Джейн остались охранять хижину снаружи, чтобы никто не смог подслушать, о чем пойдет речь. Но, судя по тому, что спор у них самих получался жаркий, сделать это было совсем не трудно.

– Потому что умертвить быка – это убийство! – воскликнула Джейн. – Индусы верили, что Бог…

– Да если бы Бог не хотел, чтобы мы ели коров, он сделал бы их мясо не таким чертовски вкусным, особенно если поджарить его, да с соусом для барбекю!..

– Это не аргумент. Да ты бы и ботинок свой слопал, если его приправить этим соусом для барбекю. Достаточно взглянуть на твою задницу.

– А что не так с моей задницей?

– Видела я коров, у которых она куда как меньше.

Ковальски смачно сплюнул, потом сказал:

– А ну, прекрати смотреть на мою задницу!

Такер удивленно обернулся к двери.

– Дипломатия на высшем уровне, – пробормотал он. – Ваш друг вообразил, что умеет налаживать отношения.

Его пригласили принять участие в совещании в хижине – но вовсе не потому, что нуждались в его суждениях. Все дело было в тоненькой черной ручке ребенка, обнявшего собаку за шею. Бааши прикипел к Каину всей душой, и то, что прежде так пугало его, стало источником, где можно было черпать новые силы.

– Нет, еще раз говорю, – упрямо твердил мальчик. – Я не слышал, чтобы кто-то говорил о женщине в горах. Не здесь. Ни единого слова.

На грязном полу расстелили карту. Капитан Олден присел перед ней на корточки, рядом с мальчиком.

– Ладно, Бааши, – сказал он и вздохнул. – Прошу прощения, коммандер. За то, что пришлось пролететь столько миль, а результат нулевой. В этом лагере ничего не знают и не слышали.

Грей не сводил глаз с карты.

– Да, это была чистой воды авантюра, – заключил он.

Но Сейхан уловила в его голосе стальные нотки. Даже не глядя ему в глаза, она поняла: Грей не сдался. Он никогда не сдается. И это относилось не только к нему.

– Могу выйти в лагерь и поспрошать людей, – предложил Бааши. – Буду не только слушать, но и задавать вопросы.

– Нет, – сказала Сейхан и сама удивилась резкости, звучавшей в голосе.

Однако Грей поддержал ее:

– Сейхан права. Одно дело просто подслушивать и передавать, что слышал. Но если мальчик займется расспросами, это сразу насторожит врага. Помните, что произошло с Амуром Махди в Босасо?

– И дело не только в риске для Бааши, – добавила Сейхан. – Это грозит еще большими осложнениями.

Грей встревоженно покосился на нее, уловив слишком уж мрачные нотки в ее голосе. Она тряхнула головой, не желая продолжать и вдаваться в подробности. Мальчика уже использовали как солдата, ожесточили его душу. А что будет, если они превратят его в *шпиона*? Британцы из СРП и без того допустили ошибку, используя Бааши как своего информатора.

Сейхан смотрела на свои руки с тесно переплетенными пальцами. Уж она-то знала, как легко использовать чистую невинную душу в грязных целях, как в этой игре сильные охотятся на слабых, превращают детей в монстров, делают их солдатами или скаутами, а порой даже выстраивают в шеренгу и посылают на минные поля перед наступлением регулярных армейских частей.

Сейхан расплела пальцы. И дотронулась их кончиками до серебряного дракончика на шее. Неудивительно, что она принимает ситуацию с мальчиком так близко к сердцу. Сейхан тут же рассердилась на саму себя и устыдилась.

О своем детстве во Вьетнаме она помнила мало. Так, какие-то отрывочные картины, но ни на одной не было отца. А вспоминая мать, зажмуривалась от страха. До сих пор эта сцена стояла перед ее глазами: вот мужчины в военной форме вырывают ее из рук мамы, потом женщину хватают за волосы и волокут к двери; лицо ее окровавлено, а рот разверст в отчаянном душераздирающем крике. После этого детство Сейхан проходило в скитаниях по сиротским домам и приютам Юго-Восточной Азии. Большую часть времени она недоедала, иногда едва не умирала с голоду. И вот наконец, будучи чуть старше Бааши, оказалась на улицах и темных задворках большого города. Именно там подобрала и приютила ее «Гильдия». Весь следующий год Сейхан проводила в изнурительных тренировках, которые окон-

чательно отняли у нее не только детство, но и доброту, совестливость, душевность, превратили ее в машину для убийства.

Я была этим мальчиком, – подумала она, – *оскорбленным, измученным, попавшим в кровавую мясорубку.*

Но Сейхан понимала, что между ними есть одна весьма существенная разница. Она видела, как Бааши играет с собакой и весь так и светится от счастья. В отличие от нее, он еще молод, гибок и восприимчив и вполне способен вновь стать нормальным человеческим существом.

Она опустила руку, перестала прикасаться к подвеске в виде дракончика, и память о матери – тихий ее шепот, нежный поцелуй в щеку – все это померкло, растворилось. А напоследок вспомнились слезы на глазах женщины, словно та заранее знала, что потеряет свое дитя.

И эти воспоминания позволили ей переключиться на предстоящее им задание.

– Она ведь тоже мать, – сказала Сейхан и увидела, как Грей резко вскинул голову. – Дочь президента…

Грей, щурясь, смотрел на нее, потом кивком дал знать, что понял. Нашел ее руку и крепко сжал в знак благодарности. Да так и не выпускал.

Она опустила глаза в надежде почувствовать нечто большее. Но в этот момент ею владело лишь чувство потери – детства, матери, даже Грея. Да и разве можно требовать от него многого, если сама она далеко не была уверена в собственных чувствах?

– Аманда резко выделяется не только потому, что *белая,* – пояснил всем Грей. – Она еще и *беременна.*

Олден кивнул.

– Да, в подобном положении редко становятся жертвой похитителей. И кто-то мог это заметить, наверняка.

– И, будем надеяться, заговорит об этом. – Грей обернулся к Бааши. – Что-нибудь слышал о белой беременной женщине, которую перевозили в горы? О женщине с большим животом?

И Грей показал рукой, какой примерно должен быть живот.

Бааши задумчиво скривил губы и неподвижно сидел секунду-другую. А потом вдруг весь так и поник.

– Нет. Ничего не слышал о женщине с большим животом с пиратами.

Сейхан пристально смотрела на мальчика. А тот опустил глаза и уставился на карту, точно хотел увидеть там нечто очень важное. Даже рука его соскользнула с шеи собаки.

– Он что-то знает, – сказала Сейхан. Не только Такер в этой команде умел читать скрытые мысли и эмоции. Особенно если речь шла об этом мальчике.

Я сама была такой.

– Он бы не стал мне лгать, – заметил Олден.

– Он и не лжет, – пылко согласилась с ним Сейхан. – Просто мы неправильно задали вопрос.

И она встретилась взглядом с Бааши. В глазах мальчика читались страх и упрямство.

Сколько же раз и ей самой доводилось испытывать те же чувства?..

Такер подошел к мальчику, сел рядом.

– Все хорошо, Бааши. Мы с Каином никому не позволим обидеть тебя.

За этим последовал сигнал жестом: мелькнула растопыренная ладонь, один палец указал на бедро ребенка. Для Бааши он остался незамеченным, но Каин подошел и положил морду мальчику на колено.

Бааши обнял собаку за шею, словно черпая оттуда силы.

– Можешь рассказать нам все, – мягко заметил Олден. – Никто не рассердится.

Бааши робко поднял на него глаза.

– Я не лгу. Я не слышал никаких историй о женщине с большим животом.

– Я и не думаю, что ты лжешь, мальчик. Но что тебя напугало? Отчего ты так боишься сказать нам?

И тут Бааши не выдержал:

– Я слышал другие истории. О человеке-демоне, что живет в горах. Он построил такое же место, как здесь, – и мальчик взмахом руки указал на лагерь.

– Такую же больницу, как эта?

Бааши кивнул.

– Но там лечат только женщин с большими животами.

– Так этот человек занимается только беременными женщинами? – спросил Олден и повторил выразительный жест Грея, демонстрировавшего округленный живот.

– Да, но люди говорят о нем плохие вещи. Матери уходят туда. И никогда не возвращаются. Очень *плохое* место.

Такер похлопал мальчика по плечу.

– Молодец, Бааши, умница.

Мальчик боялся даже поднять глаза и никакого облегчения, похоже, не испытывал.

Грей подошел к карте.

– А в этих историях говорилось, где и в каких горах работает этот доктор?

– Да, – тихо ответил Бааши, но на карту даже не взглянул.

– Сможешь показать Каину? – спросил Такер.

Мальчик посмотрел на него, потом – на собаку. А затем кивнул.

– Покажу. Но только это очень плохое место.

Едва он приблизился к карте, в помещение ворвался Ковальски.

– Только что здесь приземлился вертолет.

Но эта новость ничуть не удивила Олдена.

– Сюда то и дело садятся вертолеты. Привозят пациентов, лекарства, оборудование…

Тут в хижину мимо Ковальски проскользнула майор Джейн.

– Налет! Ложись!

Грей толкнул Сейхан на пол и прикрыл собой. Такер с Олденом прикрыли мальчика, навалились на него сверху. Бааши крепко, всем телом, прижался к Каину.

Откуда-то сверху послышался пронзительный свистящий звук, затем грянул взрыв, от которого хижина заходила ходуном.

Джейн бросилась к двери.

И снова грозный свист летящего к земле снаряда.

Она отскочила обратно.

– Они целятся прямо в нас!

Глава 11

2 июля, 05 часов 04 минуты по восточному поясному времени Вашингтон, округ Колумбия

Пейнтера разбудил мобильный телефон. Крещендо нарастающих по громкости звонков, от которых тревожно забилось сердце в груди. Он лежал в постели рядом с Лизой – обнаженные конечности переплетены, ладонь покоится на нежном изгибе в нижней части ее спины. Услышав трезвон, Пейнтер сел в постели.

Лиза тоже проснулась и резко села – сказывался многолетний опыт срочных ночных вызовов в больницу. Простыня слетела, обнажив груди, глаза блестели в предрассветных сумерках. Она узнала тон этих гудков – они означали что-то очень срочное.

Пейнтер схватил телефон с тумбочки, ответил.

– Директор, у нас проблема.

Звонила Кэт Брайант, из штаб-квартиры «Сигмы». Кроу покосился на часы. Начало шестого утра.

Когда вчера он уехал вместе с Лизой домой, Кэт еще оставалась в бункере – прорабатывала детали операции Грея, связывалась с различными разведывательными ведомствами. Интересно, эта женщина когда-нибудь вообще уходит с работы?

– Что случилось? – спросил он.

– Я зафиксировала сигналы SOS из лагеря ЮНИСЕФ в Сомали, как раз туда направлялся Грей. Сообщают о ракетном обстреле с воздуха. На них совершено нападение.

– Кто-то следит за развитием событий?

– Пока нет. Я уже прорабатываю этот вопрос с Национальным управлением космической разведки. Пыталась связаться с Греем, но ответа пока что не получила.

Ему сейчас не до этого.

– Ну а что насчет поддержки? У нас же в соседнем Джибути прохлаждается целая команда «морских котиков».

– Они могу подняться в воздух, но лететь им до этого лагеря минут сорок-пятьдесят, никак не меньше.

Пейнтер закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться, проигрывая в уме различные параметры и варианты. Если задействовать «морских котиков», это может поставить под угрозу всю операцию, раскрыть ее раньше времени. Ведь команда этих морских десантников была направлена туда с одной целью – обеспечить освобождение и эвакуацию дочери президента, а не играть с миротворцами от ООН.

– Есть хотя бы слабое представление о том, кто мог на них напасть? – спросил Пейнтер.

– За последние девяносто дней на лагерь нападали дважды. Но это были отморозки, охотились за наркотиками. А два месяца назад один из местных военных похитил врача. Так что это нападение, возможно, никак не связано с Греем и поисками Аманды.

Конец ознакомительного фрагмента.